Л. Бортникова, А. Проворотов

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ГАМБИТ

Зеркало (Рипол)

Лариса Бортникова

Зеркальный гамбит

«РИПОЛ Классик»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бортникова Л.

Зеркальный гамбит / Л. Бортникова — «РИПОЛ Классик», 2019 — (Зеркало (Рипол))

ISBN 978-5-386-10818-2

Седьмая книга серии «Зеркало» – это шахматная партия на зеркально-гладкой доске. Старая, как мир, игра противоположных начал – Света и Тьмы, созидания и разрушения, технологии и тёмной магии. Две тактики игры – мужская и женская. Кто выйдет победителем? Или противоположности, как это часто бывает, сыграют вничью?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-10818-2

© Бортникова Л., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Зеркальный гамбит 6
1. Пешка 7
♀ Новое платье для Долорес Романо 8
♂ Сие – тварям 21
2. Конь 34
♀ О шнырях и шеланях 35
♂ Волк, Всадник и Цветок 43
3. Офицер 56
♀ Мы рождены 57
♂ Игедо 71
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Лариса Бортникова, Алексей Проворотов
Зеркальный гамбит

♀ – Лариса Бортникова
♂ – Алексей Провоторов

© Лариса Бортникова, Алексей Проворотов, 2018
© Александр Павлов, иллюстрации, 2018
© Анатолий Дубовик, художественное оформление, 2018
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Зеркальный гамбит

Прежде всего мы должны построить фабрику зеркал. И в ближайший год выдавать зеркала, зеркала, ничего, кроме зеркал, чтобы человечество могло хорошенько рассмотреть в них себя.
Рэй Брэдбери

Твоя игра не может быть лучше, чем твой худший ход.
Дэн Хейсман

Такой был вечер… Фиолетовый, тихий и странный. И то, что они остались вдруг вдвоем, тоже было странным, неловким, неуютным. Два почти незнакомца в чужой компании, где все давно друг друга знают и до них никому нет дела.

– А давай в шахматы, а? Умеешь?

Он хотел предложить партию в карты (он отлично играл в карты), но какие карты, когда есть только он, она, погасший уже камин… и пара часов до рассвета? И ещё шахматный столик. И тоненький, едва заметный слой пыли на доске.

– Эээээ, – она замялась. – Ну, я примерно знаю, как надо ходить. Но игрок из меня так себе.

– Из меня тоже, – он уверенно (на самом деле нет, но ему хотелось, чтобы это выглядело именно так) цапнул со стола две пешки. Черную и белую. Зажал их в кулаках, завел кулаки за спину. – Выбирай.

– С ума сошел, – рассмеялась она. – Ладно. Выбираю левую. Только, чур, не смеяться.

Он раскрыл ладонь.

– Белая. А тебе везет. Белые обычно начинают и выигры…

– Ух ты. Да у нас тут шахматисты! – кто-то заглянул в гостиную, засмеялся громко. – Что, Карпов против Каспарова?

Она неожиданно покраснела.

– Да. Шахматисты, – он сел на пуфик, стоящий возле шахматного стола. Потянулся. Зевнул. – Ну что, подруга, разыграем «бессмертную»?

– Как пойдет.

Села напротив. Шепнула так, чтоб слышал только он:

– А пешки ж могут прыгать через клеточку?

– Могут! – подмигнул. – Прыгай. А ещё каждая пешка может стать королевой.

– О! Это я знаю! E2 – E4.

1. Пешка

Олицетворение простого бойца на пути к цели, инициации, обретению собственной воли. Пешки подчиняются Меркурию и Венере, паре любовников.

И пешка имеет силу, когда ею двигает сильный человек.
Борис Самсонов

Новое платье для Долорес Романо
Светлая фигура Лариса Бортникова

Две женщины: одна добра, как хлеб, и не нарушит клятвы, другая мирры благородней и клятвы не дает.
Роберт Грейвз

«Я вернусь и привезу тебе новое платье». Сколько раз Долорес Романо слышала это обещание. Сколько раз Долорес Романо стелила клетчатую скатерть и доставала из буфета тарелки под пасту болоньезе. Сколько раз Долорес Романо роняла слезы в салат, отчего шарики моцареллы становились горько-солёными. «Я вернусь и привезу тебе новое платье». Шифоньер скрипел тяжелыми дверцами. По утрам Долорес Романо открывала дубовые створки, вдыхала запах нафталина и отдушки из масла иланг-иланг.

Ждала.

С Долорес Романо можно было говорить о чем угодно. О новом кремнезёмовом композите для кальсон и о том, что теперь на учениях все мочатся прямо в скаф, не опасаясь опрелостей и чесотки; о самих скафах, которые не выдерживают больше кило по Моосбахеру, отчего во время последнего отступления три полка новобранцев превратились в омлет; о том, что в новостях об этом, как обычно, промолчали, но «bro-radio» подсуетилось, и начкурса, полгода назад списанный по инвалидности, напился в каптёрке и потом бродил по казарме, облёвывая паркет.

С Долорес можно было говорить обо всём: о том, что позавчера капрал несправедливо поставил в наряд; о несвежей тушёнке, которую ротный приказал «жрать и облизываться»; об утренних эрекциях; о том, что через неделю – полевые занятия, а откосить не выйдет; а также о том, что скоро выпуск и хочешь не хочешь, но придется сменить курсантский китель на боевой камуфляж.

Долорес слушала, смахивала слезу и ставила на стол тарелки под пасту болоньезе. Курсант Чезаре Броччио смотрел на её мягкие ладони и думал, что за все эти годы Долорес так и не сменила серую трикотажную юбку и кофту крупной вязки на что-нибудь нарядное.

«Я вернусь и привезу тебе новое платье, – клялся Чезаре. – Это будет длинное ярко-красное платье из мернского шёлка. Ты только жди». Долорес подходила близко-близко, так что аромат молока, меда и свежестиранных простыней обволакивал юношу с головы до ног. Она брала круглую лысую голову Чезаре в свои большие ладони и баюкала долго и нежно, до тех пор, пока Чезаре не начинал проваливаться в сонливую негу. Потом они шли в спальню, где кровать наскрипывала уютные колыбельные, где тяжелые груди Долорес и её нежный живот дарили покой и надежду.

– Я буду ждать тебя, Чичче, – шептала Долорес. – Буду ждать. И ты обязательно вернёшься.

«Мужчины должны воевать»! Негодяй, выдумавший эту ложь, давно уже умер, как и тот, который солгал, что мужчины не плачут. Когда-нибудь матери, жёны, невесты, сёстры, подруги опомнятся и предадут анафеме этих подлецов. Но пока мужчины продолжают убивать мужчин, оставляя женщинам право оплакивать мертвых и ждать живых. Ждать и верить, что солдат обязательно вернётся. Ждать, невзирая на то, что во входящем блоке коммуникатора давно нет новых сообщений и что на запрос «ФИО – Звание – Номер части» над эмиттером всплывают матовые строчки мартиролога.

Ждать.

Встречать, ежевечерне выстраивая на клетчатом льняном плацу круглые тарелки под пасту болоньезе. Заправлять соусом салат из пресных шариков моцареллы, крошечных тома-

тов и лука, нарезанного кольцами. Держать наготове кувшин с домашним вином. «Возвращаются лишь те, кого ждут», – тот, кто первым выдумал эту ложь, давно уже умер.

Но теперь каждый раз, когда сержант Чезаре Броччио идет в бой, он вспоминает о том, что дома у него осталась Долорес Романо. «Я привезу ей новое платье», – твердит сержант, и ему становится легче, его жизнь приобретает смысл, а его слишком вероятная смерть отодвигается на неопределённый срок.

* * *

Чезаре Броччио мог бы стать учёным. Или таксистом. Или полицейским. Он мог бы стать адвокатом, нейрохирургом или бухгалтером. Он мог бы петь в Опере или, одетый в оранжевую муниципальную робу, собирать контейнеры с мусором по понедельникам и средам. Мог бы, если бы родился девочкой. Но Чезаре не повезло.

Когда биотехнолог А-категории Мария Таледжио очнулась после кесарева и обнаружила на своем запястье синюю пластиковую браслетку, она с облегчением вздохнула: хорошо, что всё закончилось. Мария дотянулась до пульта вызова сестры, нажала на кнопку с нужной пиктограммой. Через минуту дверь в послеоперационный блок отъехала в сторону, впуская посетителей.

– Ваш мальчик просто чудо! Крепыш и здоровяк, пригодный к воинской службе. Поздравляю с выполнением гражданского долга, – главный акушер роддома лично зашла поздравить роженицу. Голос врача звенел бодрыми интонациями, успешно подражая контральто ведущей утренних фронтовых хроник.

– Благодарю, – Мария Таледжио приняла аккуратный свёрток и немедленно, точно боялась испачкаться, положила его в пластиковую кюветку, привинченную к ложементу. – Оформите идентификацию на имя Чезаре Броччио.

– Чезаре Броччио – подходящее имя для сына воина, – улыбнулась главврач и, посерьёзнев, добавила: – Надеюсь, он будет его достоин.

– Надеюсь, – равнодушно произнесла Мария, откинулась на подушку и облизнула сухие тонкие губы.

– Воспитание? Вскармливание? Что-то уже решили? – медсестра выудила из кармашка униформы стилус, чтобы занести информацию в персональный файл пациентки.

– Вскармливание искусственное, разумеется. Воспитание… – Мария подумала с четверть секунды и решительно продолжила: —…домашнее. Если это… этот мальчик…то есть Чезаре не требует спецухода, я хотела бы выписаться к вечеру.

– Мы подготовим всё необходимое, – кивок. Профессиональная улыбка. Сестра засеменила вслед за главным акушером, оставив мать и сына вдвоем.

Мария тяжело повернулась набок, потянулась к сыну. Коснулась было крошечной ладошки, но тут же отдернула руку. Словно опасалась обжечься или запачкаться. Скрипнула зубами и снова откинулась на спину, не обращая внимания на Чезаре, который вдруг захныкал, почуяв мать. Мария Р. Таледжио, не моргая, смотрела на потолочную видеопанель: звук и трехмерка сбоили, отчего молоденькая хроникёрша то и дело сдувалась в камбалу, смешно открывала плоский рот, что-то перечисляя. Прямо поверх её изображения, похожие на окопных вшей, сыпались слева направо буквы, цифры, значки – последняя информация с Мерны. Мария следила за тем, как списки погибших за последние сутки сменяются списками раненых, как строчки выползают из-под левой ладони ведущей и скрываются под её правым рукавом, и жалела, что завтра целый день придется проторчать дома, потому что няню для этого… для мальчика… для Чезаре… обещали подослать лишь с понедельника.

«Ничего. Поработаю с домашнего терминала», – решила Мария и с раздражением нажала на кнопку вызова сиделки – ребёнок закричал. Наверное, проголодался.

* * *

– Что значит А-спец! Сразу видно умную женщину и сознательного гражданина! Первородка, но никаких истерик, слёз, скандалов и тому подобное. Да ещё и решила взять ребёнка в семью, – делилась главврач с коллегами на вечерней пятиминутке. – Разве это не очередное подтверждение гипотезы корреляции социального статуса с уровнем гражданской ответственности? С такими женщинами мы непобедимы! И сегодня же другой, совершенно омерзительный случай: пациентка решила избавиться от сына, потом передумала и решила «избавить» его от воинской службы, но ничего, кроме грубого членовредительства, ей в голову не пришло. Едва успели спасти новорожденного, а саму эту дрянь – язык не поворачивается назвать её матерью – передали куда следует. Проглядела досье. И что вы думаете? Она – курьерша, не добирающая даже до категории Д.

– Отсутствие самоконтроля, ленивый, нетренированный ум, минимум логического мышления препятствуют подавлению животных инстинктов. Если заглянуть в архивы… – анестезиолог, репродукт-неспособная женщина лет сорока, собралась было поддержать коллегу, но оборвала реплику, обнаружив, что по её бахилам только что проехался полотер. – Что вы себе позволяете?!

– Ноги подбирать надо, – буркнула одетая в форму медперсонала категории Е старуха. – Наполучают себе репродуктивных броней, а потом рассуждают тут… Попробовала бы выносить и родить шестерых, как я…

* * *

«Если ждать, то солдат обязательно вернётся». Все-таки такое могла выдумать только женщина. Изнуренная бессонницей женщина с надеждой в сухих глазах. Ждать и вздрагивать от каждого шороха в подъезде. Ждать и крепить переносной терминал к прикроватному блоку, настроив громкость на «шах», чтобы случайно не пропустить входящий звонок. Ждать, и нарезать кольцами лук, и стелить скатерть, и ставить круглые тарелки под пасту болоньезе.

Ждать.

«Я вернусь и привезу тебе платье»! – обещал солдат. Поэтому Долорес Романо выключает монитор до того, как мартиролог успевает загрузить номер нужной части, и спешит на кухню, чтобы добавить в бак с молоком чайную ложку лимонной кислоты. На столе замерли по стойке «смирно» тарелки, а в открытую дверь спальни видна застеленная свежим бельём кровать. Ждать!

* * *

Полупустая пыльная студия в Квинсе, где Чезаре провел первые восемь лет своей жизни, принадлежала Институту биотехнологий. Мария Таледжио как ведущий специалист категории А пользовалась правом на льготное жильё и личный транспорт. Пока Чезаре был совсем маленьким, Институт выделял приходящую няню. Потом эта же няня – пожилая женщина с серым, похожим на половую тряпку лицом – возила Чезаре и ещё нескольких сыновей работников Института в ведомственные ясли. Там, в яслях, Чезаре впервые осознал разницу между мальчиками и девочками. Он не мог пояснить словами, но ему казалось, что это похоже на нечестную игру в прятки, где у девочек всегда фора, и даже если их найти, они всё равно оказываются в выигрыше.

А ещё за девочками всегда приходили мамы. За мальчиками обычно приходили или женщины с серыми тряпичными лицами, или никто. Случались исключения. Например, сопливого Хосе из старшей группы мама забирала сама. Неопрятная тётка с голограммой охранника на нагрудном кармашке каждый вечер стояла у входного бокса и ждала, когда Хосе выбежит к ней навстречу. Она по-жабьи приседала, широко расставляла руки, и Хосе с разбега бросался на её шею. «Нюня, тряпка», – дразнили Хосе остальные. Чезаре тоже дразнил, хотя порой ему хотелось отпихнуть везунчика Хосе и самому уткнуться носом в переливающийся зелёным шеврон чужой мамы.

Однажды утром Чезаре подкараулил Марию за завтраком и спросил напрямую: «Скажи. Если бы я родился девочкой, ты бы сама забирала меня из яслей?» Она пожала плечами: «Ты мальчик и солдат. Все, что необходимо для воспитания солдата, получаешь с избытком. Я не могу нефункционально расходовать своё время», – добавила уже в дверях. Мария всегда уходила рано, а возвращалась заполночь, когда в Квинсе отключали освещение и прожектора-энергосберегайки кромсали лучами небо на треугольные лоскуты. Чезаре прятался под одеяло, чтобы не видеть пляшущих чёрных уродцев на стенах, и ждал мать. «Не спишь? – луч фонарика скользил по комнате. – Ложись. Уже поздно. И постарайся не отвлекать меня, Чезаре. Мне нужно ещё поработать».

* * *

Мать всегда называла его полным именем, поэтому, когда Чезаре впервые услышал, как Долорес Романо произносит «Чичче», как её певучий голос оглаживает каждый звук его имени, как мягко пружинит «ч» о влажное женское нёбо, он обмер. Он даже закусил губу, пытаясь удостовериться в том, что не спит и что эта полная женщина в длинной юбке и кофте с продолговатыми деревянными пуговицами действительно обращается к нему – Чезаре Броччио.

В тот день Чезаре исполнилось одиннадцать, и он уже три года назад перевёлся из общеобразовательной начальной школы с совместным обучением в кадетское училище. Там, в «кадетке», он, как и тысячи других мальчиков, осваивал азы мужской науки убивать и не быть убитым сразу. Шесть суток в казарме – день расписан по минутам: подъём, кросс, стройподготовка, тир, теория, снова тир, лётный симулятор, тренажерка, тир, сампо… Сутки дома. Увольнение начиналось в двенадцать часов ноль-ноль минут каждую субботу. Ровно через двадцать четыре часа зелёная полоса на рукаве превращалась в ядовито-оранжевую – сигнал для патрулей о нарушении курсантом казарменного режима. Каждую субботу Чезаре брёл до Квинса пешком, чтобы приблизительно в двадцать один час ноль-ноль минут открыть дверь студии и пробраться по тёмному коридору на кухню. Там он залезал на высокий металлический стул и старался не заснуть. Получалось трудно – бесконечные тренировки выматывали организм.

– Чезаре, ты здесь? – Мария сутулой тенью скользила к холодильнику, доставала банку с бобами и присаживалась напротив. – Как училище?

– Вчера отстрелялся лучше всех. По стройподготовке тоже первый! – Чезаре гордо выпрямлял спину, словно она могла разглядеть его в полутьме.

– Ясно. Ложись спать. И постарайся не мешать, мне нужно ещё поработать.

* * *

В тот день, а вернее, утро ему исполнилось одиннадцать. Нашивка предупреждающе мигнула – до установленного срока прибытия в часть оставалось три часа. Чезаре сидел на бетонных ступеньках подъезда и врал черноволосой соседской девочке про пленного мернийца, на котором в тренажёрке отрабатываются приёмы рукопашной борьбы. Девочка недоверчиво щурилась, однако слушала с интересом.

– Поможешь донести, солдатик? Лифт сломан, а мне на пятнадцатый, – немолодая, одетая в вязаную кофту и серую трикотажную юбку женщина доставала из старенького смарта какие-то пакеты и тяжелый бидон.

– Курсант Броччио к вашим услугам, мэм, – Чезаре вскочил и лихо, чтобы произвести впечатление на девочку, приподнял бидон с асфальта.

– Не надорвись, – женщина улыбалась, но не снисходительно или чуть отстраненно – к таким улыбкам в свой адрес Чезаре давно привык, – а с ласковой усмешкой. – Там пятнадцать литров. Давай-ка я возьму бидон сама, а ты держи остальное. Идём. Заодно накормлю тебя завтраком.

– В полдень я обязан быть в части, мэм. Но от завтрака не откажусь, – Чезаре подмигнул заскучавшей девочке и, подхватив свертки, направился к входу.

Вот тогда-то Чезаре и познакомился с синьорой Романо. Точнее, познакомились они через несколько минут в столовой уютной квартирки на пятнадцатом этаже. Когда клетчатая скатерть легла на стол, когда большие круглые тарелки – одна жёлтая, другая синяя – встали напротив друг друга, Долорес сказала:

– Чезаре – слишком колюче, поэтому я стану звать тебя Чичче. А ты можешь называть меня просто Долорес, – над её верхней губой дрожала маленькая родинка, а от кофты домашней вязки пахло почему-то молоком и мёдом. – Говоришь, у тебя сегодня день рождения? Поздравляю, милый.

* * *

Следующего увольнения Чезаре Броччио ждал так, как не ждал ещё ничего за свою одиннадцатилетнюю мужскую жизнь. Он впервые не пошел бродить по городу, а сел на транспорт, идущий прямо в Квинс. Помявшись недолго перед дверью с идентификатором «Д. Романо», Чезаре решительно надавил на кнопку звонка. Звук колокольчика, приглушенный изоляцией, заметался и угас, а потом Чезаре услышал шаги.

– Чичче? – динамики искажали её голос, усиливая едва заметную обычно хрипотцу.

– У меня дома никого, а ключ я в другом кителе оста… – он не успел договорить. Дверь распахнулась, и деревянные продолговатые пуговицы замаячили прямо перед носом.

– Конечно, заходи. Я как раз варю кофе. Ты ведь любишь кофе?

Двадцать три часа – период между 12:30 субботы и 11:30 воскресенья – Чезаре провел в квартирке на пятнадцатом этаже. После того как они разобрались с кофе, Долорес предложила перебраться на кухню. Чезаре устроился на стуле и с любопытством следил за тем, как Долорес режет бесформенный желтоватый сгусток длинным ножом, как мешает зернистую массу шумовкой. Как сливает через выложенный бинтом дуршлаг сыворотку и подвешивает влажный узел к специальному кронштейну над раковиной.

– Какой мягкий и прохладный, – Чезаре трогал получившуюся желтоватую массу через марлю. – Как… Как мертвый. А что с ним будет дальше?

– Сыр! – расхохоталась Долорес. – Сыр будет. Моцарелла. Маленькие сырные кругляши. Такие же симпатичные, как те, что у меня в холодильнике. И очень вкусные. Ну, пошли ужинать, солдат.

Они ели пиццу и захрустывали её свежими огурцами. Потом листали комиксы, в которых отважный Полковник Смит-Вессон уничтожает мернийский флагман и спасает пленных пехотинцев, потом они говорили о том, что у каждого в жизни есть свое предназначение и что в Центральном парке недавно открыли монумент погибшим героям, и надо бы в следующее воскресенье пойти посмотреть. А ближе к вечерним сводкам Чезаре сморило.

Долорес расстелила на диване простыню в синий горошек по белому полю. И когда лысая, похожая на модель земного шара голова курсанта Броччио коснулась подушки, Долорес запела.

Она мычала что-то бессвязное, монотонное, глупое, но от этого мычания Чезаре стало спокойно. И он уснул.

* * *

Чезаре терпел день или два. В среду, когда рота собралась в душевой после тренажёрки, он не выдержал. Со старательным безразличием Чезаре расписывал друзьям «чудаковатую тетку, что живет на двадцать этажей ниже, одевается в тряпье, не умеет настраивать домашний терминал и не знает элементарной таблицы коэффициентов коагуляции Шавиньоля».

– Но кормит от пуза. Правда! И такая… ну не знаю. Не как другие. Нормальная, что ли! Такаая… – Чезаре неожиданно для себя расплылся в улыбке.

– Тетка? А что она от тебя хочет? – Дваро – смешливый пацан с параллельного потока – рассматривал синяк на лодыжке.

– Кто их разберет, этих баб пониженной категории, – Чезаре ухмыльнулся, точно так же, как и капрал, когда речь заходила о женщинах. Потом нахмурился и пояснил: – Я не уточнял, но по виду она вроде как «Д» или даже «Е», а у них инстинкты первичны. Может, у неё сын или даже сыновья там… на Мерне, вот она и компенсирует подсознательно. Но очень смешная! Знаете, у неё терминал какой модели? В жизни не догадаетесь…

– Ну-ка, ну-ка, бро… – пятикурсник по имени Збринц, недавно получивший нашивки младшего сержанта и от этого нестерпимо высокомерный, высунул голову из-под душа и уставился на Чезаре с картинным удивлением. – А за войну она с тобой трет? А за мернийцев? Хроники зырите? А комиксы фронтовые?

– Ну да, – кивнул Чезаре. – С ней вообще про что угодно можно говорить. Она слушает внимательно и совсем не поучает. Я же и поясняю, что тетка смешная и глупая. «Е» или «Д», не выше.

– Ха! Дурак! Сур-мать это! Надо быть идиотом, чтобы не сообразить, что тебе подсунули сур-мать, – Збринц переключил режим, и теперь жесткие струи ударялись о его жилистые плечи и разлетались ледяными брызгами. – Значит, или ты психтесты слил, или наши дятлы настучали чего особистам. А «тетка» эта твоя – понятно кто. Психотерапевт-целевик категории А со специализацией суррогатной солдатской матери.

– В смысле сур-мать? Как это? – Чезаре недоверчиво нахмурился.

– Так это! Ты же «домашний», бро? Да? Твоя биологическая тебя на домашнем воспитании держит? По экспериментальной программе?

– Ну да, – Чезаре кивнул и попятился. Ему показалось вдруг, что его только что обвинили в чем-то неприличном. Словно он скрысятничал и попался.

– И чего ты хочешь? У вас, домашних, с головой непорядок. Хреновый вышел эксперимент. И солдаты из вас хреновые! – Збринц потянулся, хрустнул суставами. – Нас – госов – родина подняла и воспитала, её мы и защищать, выходит, будем. До последней капли крови! А ты кого станешь защищать? А? За что пойдешь месить мернийское дерьмо? За мамочку свою био, которая тебя на улице увидит – в упор не узнает? За сестричку-спеца или за отдельную халупу в даунтауне? Нет? То-то же! Червивая у вас мотивация и никакого патриотизма. Давно пора «домашку» отменить – толку от неё с белкин хрен и экономии столько же. Ну, а пока не отменили, надо вас, телков слюнявых, как-то выправлять. Психику надо вашу нежную лечить, чтобы вы, как положено мужчинам, жгли врага, а не раздумывали, на кой такой хер вам это сдалось. Ясно, бро?

Збринц выскочил из-под колючих струй, быстро вытерся и, натянув форму за положенную уставом минуту, выбежал из душевой. Чезаре молча топтался возле именного контейнера и то набирал, то сбрасывал код.

– Ооо! Как он тебя приложил! А я, кстати, слышал, – Дваро скользнул мимо Чезаре в освободившуюся кабинку и оттуда страшно зашипел, – что сур-матери вообще киборги. Им в бошки вставляют шунты, а во лбу у них камеры и самописцы. Ты сам её спроси, и посмотришь, что она тебе ответит.

– Долорес – человек! – Чезаре вспыхнул и пошел на друга, размахивая скрученными в жгут кальсонами. – Бить буду сейчас.

– А я тоже домашний и тоже хожу к одной сур-матери по имени Долорес. Она делает сэндвичи с тунцом. Кажется, субмарины, – почти прошептал Эторки – худенький тихий мальчик, до этого молча ожидавший своей очереди. – Она хорошая.

– Точно. Хорошая, как микроволновка, – заржал Дваро.

– Мне наплевать, что у неё в башке! – неожиданно для себя Чезаре закричал во весь голос. – Наплевать! Даже если там встроен целый оружейный склад и полевая кухня! Она меня слушает! И понимает! И ждёт!

– Чего орёшь? – Дваро выскочил из-под душа, едва не задев сменившего его Эторки плечом. Пробежал на цыпочках по холодному полу к своему контейнеру, схватил из верхнего отсека полотенце. – Ходи сколько влезет. И Эторки пусть ходит. Я просто говорю, что это у них работа такая. Им за это платят.

– Плевать! – Чезаре вдруг со всех сил вмазал кулаком по контрольной панели душевой. Эторки, словно ошпаренный, вылетел из-под ледяной струи, запрыгал, захлопал ладонями по бокам, пытаясь согреться. Дваро прыснул, Чезаре, не удержавшись, рассмеялся вслед, а уже за ним разразился громким хохотом сам Эторки.

* * *

Субботу Чезаре провел в части. На следующей неделе его поставили в наряд, потом рота выехала на учения. И лишь ещё через одну субботу он наконец таки выбрался в город. Отметив увольнительную на КПП, Чезаре помчался на армейский челнок до Центрального парка. В парке, возле монумента погибшим героям, ждала Долорес Романо. День выдался ветреный, и Долорес куталась в кофту, застегнутую на продолговатые деревянные пуговицы. «Знаешь, Чичче, ты должен гордиться своим отцом», – проговорила она, трогая выгравированные на списке фамилии. Чезаре хотел было ободряюще взять Долорес за руку, но вспомнил Збринца и только усмехнулся.

– Не поднимешься домой к себе? – спросила Долорес вечером, когда они уже убрали свежую моцареллу в холодильник, перелистали новый журнал с комиксами про Смит-Вессона и собрались посмотреть блок военной анимации.

– Не-а, – мотнул головой Чезаре, – она… ну, Мария… она всё равно не заметит, дома я или нет.

– Смотри сам, Чичче. Главное, чтобы не волновалась.

– Долорес! Я же мальчик! Солдат! Кто волнуется за мальчиков?

– Конечно, – глаза Долорес потемнели, точно она вспомнила что-то очень грустное, – но я бы всё равно волновалась.

«Тебе по работе так положено», – хотел съязвить Чезаре, но почему-то промолчал. Вместо этого он зевнул, потянулся за пультом терминала и резко – слишком резко для одиннадцатилетнего подростка – заметил:

– Моей био-матери нельзя растрачивать свой потенциал на нефункциональные действия и эмоции. Она – специалист А-категории. Ей после моего рождения даже репродукт-бронь выдали, чтобы она могла полностью погрузиться в работу. Кстати, а какая у тебя категория?

– Да… То есть… – Долорес замялась, – ты прав, Чичче. У твоей био… мамы много важных задач. Пора перебираться в гостиную, анимешки уже наверняка давно начались. Я тут наделала сэндвичей с тунцом – возьми их завтра с собой. Угости друзей.

– Спасибо. Не хочу, – Чезаре поднялся и защелкнул карабин ремня. – Я передумал. Пойду-ка я домой. Не люблю мультики. И тунец ненавижу!

В ту ночь Чезаре долго не мог заснуть. Он жалел о том, что не дал Долорес понять: Чезаре Броччио нельзя обмануть, нельзя приручить салатом, макаронами и простынями в горох. Ближе к утру, когда он решил прекратить всякое общение с синьорой Романо и начал проваливаться в сон, вернулась мать.

– Ты здесь? – она упала в кресло и закрыла глаза. – Как учёба? Постарайся не ворочаться, я ещё поработаю.

– Послушай, Мария… – Чезаре поднялся, сел на кровати, прижав колени к груди, и уставился на мать. За те недели, что он провел вне дома, она ещё больше похудела. – Могу я тебя кое о чём спросить?

– Только поторопись, у меня мало времени.

– Ты жалеешь, что не получила бронь до того, как я родился? – голос Чезаре дрогнул, но он справился с собой и продолжил: – Ты жалеешь, что у тебя сын, а не дочь? Ты обо мне иногда вспоминаешь? Я тебе вообще нужен? Ответь мне, пожалуйста.

– Странные вопросы, – Мария тяжело поднялась с кресла и подошла к окну. Лучи прожекторов резали черное небо на лоскуты. – Но я отвечу, хотя не вижу в этом смысла. Мне некогда и незачем сожалеть о сделанном, Чезаре. Я репродукт-способная женщина. Мой гражданский долг – выносить и родить мальчика. Лучше не одного. Помимо репродукции, у меня, как и у любого А-специалиста, имеются обязанности. Много обязанностей. Слишком много, чтобы нефункционально растрачивать себя. А у вас, мужчин, всего лишь один долг и одна обязанность – воевать. Поэтому ты необходим мне и обществу. И, разумеется, я часто вспоминаю о тебе. Ведь ты – мой сын.

– Врёшь! Всё ты врёшь! Я для тебя не особенный, а просто мальчик! Один из всех этих мальчиков и мужчин. Я для тебя, как все! – Чезаре запнулся. Продолжил зло, отчаянно: – Тебе насрать, есть я или нет, зайду я домой в субботу или пропаду навсегда. И оттуда, с Мерны, ты не станешь меня ждать. Вернусь я или сдохну – тебе всё равно! Всем био-матерям всё равно! Мы для вас – тупые сырные головы, можно выловить из чана одну или другую, какая первой попадется, потом съесть или выкинуть, а в мире ничего не изменится!

– Хм. Если рассуждать в масштабах государства, ты прав. А так – нет, – Мария задернула жалюзи и устало зевнула. – Ложись-ка спать, Чезаре.

В следующую субботу ровно в двенадцать тридцать курсант Чезаре Броччио топтался у двери квартиры на пятнадцатом этаже высотного дома в Квинсе. Там, где, как всегда, ждала его Долорес Романо.

* * *

Пять лет – это так мало, особенно если они затесались между детством и совершеннолетием. Пять лет – много, когда идет война. Пять лет – жалкие крохи, если на жизнь отведено всего лишь двадцать четыре часа в неделю: с 12:00 субботы по 12:00 воскресенья, к тому же целых шестьдесят минут занимает дорога.

Чезаре Броччио побрился, прилепил новенькие курсовки на парадный китель и заполнил увольнительную – последнюю перед выпускными. Через неделю курс поедет на полигон, где в течение месяца комиссия, состоящая из А-спецов и ветеранов, будет убеждать себя в том, что выпуск готов убивать и не быть убитым сразу. Потом им – ещё курсантам – вручат дипломы,

присвоят очередные звания и повезут в порт. А там погрузят в карго-шаттлы, из которых только что выкатили контейнеры без маркировки.

* * *

«Мужчины должны воевать». Какая разница, кто и когда придумал эту ложь. Главное, что хочешь не хочешь, но уже совсем скоро придется сменить курсантский китель на боевой камуфляж. Десять лет бесконечных занятий и изнурительных тренировок. И всё только для того, чтобы убивать и быть убитым как можно позже. Или всё-таки победить и вернуться домой с новым платьем для Долорес Романо. Красным платьем из мернского шёлка.

– В город идешь, бро? – Эторки стоял в наряде на КПП.

– Да. Надо с Долорес попрощаться. Позже могу и не успеть.

– А я уже простился, – погрустнел Эторки. – Вчера вернулся и сразу в наряд. Вот незадача.

– Слушай, – Чезаре наклонился над окошком стеклянной дежурки, зашептал в динамик, – слушай, Эторки, мы никогда об этом не говорили… и не надо.

– Не надо, – согласился Эторки. – Лучше продолжать верить, что у нас разные Долорес.

– Спасибо, бро. Ну, я помчал. До завтра.

Подъёмник, как всегда, барахлил. Чезаре легко взлетел на пятнадцатый этаж, привычно свернул в правое крыло и надавил кнопку звонка. Пять лет назад ему приходилось привставать на цыпочки, а теперь кнопка торчала точно на уровне глаз. Чезаре прижался ухом к обивке двери, услышал быстрые приближающиеся шаги.

– Чичче. Я ждала тебя. Заходи. Сегодня болоньезе, как ты любишь, – Долорес сияла нежной улыбкой.

– В следующую субботу я на полигоне, – Чезаре пришлось нагнуться, чтобы чмокнуть Долорес в щеку. – Дальше не знаю. Вероятно, сразу на Мерну. Там сейчас жарко, сама знаешь.

Они сидели на кухне. Чезаре в сотый, может быть, раз наблюдал за тем, как Долорес возится с сыром. Как достает из высокой кастрюли вязкий сгусток, режет его на кубики, снова ставит на плиту. Как потом вымешивает жир и осторожно сливает его в стеклянную банку. Руки Долорес, ловкие и очень быстрые, мяли сырную массу, растягивали её, складывали и снова тянули. Постепенно бесформенные пряди становились однородными, принимая форму шара.

– Завораживает, – усмехнулся Чезаре. Встал. Долил в бокал вина. – Будто ты лепишь из сыра человечков. Сырных солдатиков. Иди ко мне.

Долорес засмущалась. Она всегда смущалась и краснела, когда Чезаре смотрел на неё «по-мужски». Словно не было этих месяцев их странной, неправильной близости, совсем не похожей на близость любовников или друзей.

* * *

Впервые это случилось почти год назад. Чезаре пришел из кадетки позже обычного и сразу врубил терминал. Ведущая щебетала что-то об открытии нового исследовательского центра, а строчки мернийского мартиролога, как всегда, порхали между её ухоженными пальцами.

– Обедать! – позвала Долорес из кухни. – Паста стынет.

Чезаре не ответил. Долорес обеспокоенно заглянула в гостиную. Он лежал на спине с закрытыми глазами и молчал.

– Что-то случилось, Чичче? Заболел? Опять с капралом неприятности? Что?

– Збринц… Я его не узнал… – кадык неприятно дрожал, но голос Чезаре звучал спокойно.

– Расскажи! Пожалуйста, расскажи. Я всё пойму. Только не молчи так. Слышишь? – Долорес присела на край софы, отложила полотенце в сторону. Положила теплую руку на лоб юноши.

– Этой ночью была панихида… – начал говорить Чезаре. – Обычная. Такая бывает всегда, когда наших выпускников привозят оттуда… с Мерны. Собрали все курсы на малом плацу, генерал зачитал приказ о посмертном награждении. Потом А-спец из министерства что-то нудное плела, про героев, которым повезло, что их нашли целыми, вернули домой, и теперь они будут лежать в родной земле. Всё как всегда. Потом стали по очереди вывозить гробы, чтобы мы могли попрощаться, как полагается. И салют… На панихидах очень красивый салют! Небо такое цветное, будто в горошек. Мне нравится.

Долорес слушала тихо, едва дыша.

– Дальше… Говори, Чичче.

– Дальше? – Чезаре скрипнул зубами. – Ты, наверное, не знаешь: сейчас в целях экономии делают один ящик на несколько погибших. Транспортировка с Мерны дешевле, и вообще… Они там все вместе, аккуратно очень лежат, как ботинки в калошнице или… или как твоя моцарелла. Вообще удобно. Панихиды гораздо быстрее заканчиваются. Раньше подолгу, а теперь быстрее. Они ещё моторизированные – ящики эти. На колесном ходу. Едут себе друг за другом: один, второй, третий…

– Говори, Чичче.

– А тут наша рота как раз дежурила. Поэтому когда там с последним ящиком что-то случилось и он встал намертво уже за плацем, пришлось его до крематория доталкивать вручную. Я шел слева, а там как раз список тех, кто внутри… Смотрю – напротив шестнадцатого номера – Збринц. Понимаешь? Наш Збринц. Мы с ним дрались в каптёрке, а потом он меня за куревом в самоход гонял.

– Я здесь, Чичче, – Долорес легла рядом с Чезаре, прижалась к его худому телу. – Говори.

– И я сказал ребятам, чтобы сдвинули крышку. Сам не понимаю зачем. Может быть, хотел посмотреть или попрощаться по-настоящему. Не понимаю.

– Говори…

– Я его не узнал, Долорес. Их там двадцать или двадцать пять лежало. И я не узнал Збринца… Совсем. Они были совсем одинаковые. Я не узнал его! – Чезаре вдруг обхватил Долорес руками, уткнулся ей в шею и захлебнулся, задрожал, заметался, словно хотел что-то ещё сказать, сделать, но не знал как. – Долорес! Мне страшно. Я не хочу так.

– Не бойся. Не бойся ничего, мальчик мой, – она целовала его лицо, смуглые щеки, сухие напуганные глаза. – Всё будет хорошо. Я же рядом. Всё будет хорошо. Ты слышишь? Слышишь меня? Я буду тебя ждать, и ты обязательно вернешься.

Он вжимался в её такое родное, такое знакомое тело, и в голове у него вспыхивали цветные огни, сначала немного похожие на всполохи салюта, а потом непохожие уже ни на что, но нестерпимо прекрасные. Чезаре сам не понял, как стянул с Долорес её старую кофту, как её юбка оказалась где-то в ногах и как Долорес вдруг стала такой близкой, что нельзя было разобрать, где заканчивается Долорес Романо и начинается он сам – Чезаре Броччио.

Они стали любовниками, и сначала Чезаре было немного стыдно, но потом он привык, и радость от встречи с Долорес стала в тысячу раз сильнее, чем прежде. Теперь он совсем иначе целовал её при встрече и не стеснялся, когда она заходила в ванную, чтобы подать свежее бельё.

* * *

– Иди ко мне, – Чезаре любовался её смущением.

– Погоди, Чичче. Уберу моцареллу в холодильник.

– Позже, – звонко щелкнул карабин ремня. – Я очень соскучился.

Потом Чезаре Броччио курил и думал, что всё будет хорошо, и он обязательно вернется сюда и сядет за стол, покрытый клетчатой скатертью. Он думал, что по статистике на Мерне в первый год погибает всего лишь половина новобранцев, значит, у него есть отличный шанс выжить.

– Я горжусь тобой и верю, что ты будешь сражаться как настоящий мужчина, – прошептала Долорес.

– Давно хотел тебя спросить… – Чезаре запнулся. – У тебя есть… были дети? Точнее, сын?

– Я репродукт-неспособная, – голос Долорес полнился искренним сожалением.

– Разве в сур-матери берут неспособных? – Чезаре и сам не ожидал, что вопрос, который все эти годы считался табу, вдруг выскочит сам по себе.

– Что? – Долорес перевернулась на живот, потом привстала на локте, заглянула в лицо Чезаре. – Что ты сказал?

– Ну, я знаю, что ты сур-мать! – отчетливо повторил Чезаре. – С самого начала знал.

– Чичче! Чичче! С чего ты это взял?! Это же… Боже ты мой! Глупый! Какой же ты глупый. Маленький мой милый мальчик! Чичче! Да я… Ты… На, смотри! – Долорес вскочила с кровати, бросилась к высокому шкафу, распахнула створки. Рухнув перед шкафом на колени, Долорес достала откуда-то с самой нижней полки коробку, вытряхнула содержимое на ковер и вытащила оттуда карточки. – Смотри!

Сертификат о репродукт-непригодности, прошлогоднее подтверждение категории С, проф-удостоверение, идентификационная карточка. Долорес, почти захлебываясь слезами, швыряла в Чезаре документы один за другим. Чезаре, ошеломлённый, ничего не соображающий, сидел на кровати и часто моргал.

– Как не сур-мать? Как?

– Вот так! – рыдала Долорес. – Я техник. Простой пищевик-С, работаю по свободному графику. Понимаешь?

– Так ты просто Долорес? Никакая не сур…

– Да нет же! Господи! – Долорес тормошила юношу за плечи, целовала, плакала и смеялась одновременно. – Почему прямо не спросил? Глупый мой!

– Не знаю. Я балбес! Знаешь, я лишний раз думать об этом боялся. Где уж спрашивать?

– Лучше бы спросил! Как бы тогда всё было по-другому!

– Теперь и так всё по-другому, – Чезаре вдруг почувствовал, как в носу у него оживает щекотная жилка, а по щекам начинает стекать горячее и солёное. – Ты теперь просто моя Долорес.

– Чичче! Мой Чичче! Я буду тебя ждать! Обещаю.

– А я обещаю, что вернусь и привезу тебе платье! Красное. Из мернийского шёлка!

* * *

Вечером Чезаре хотел забежать наверх, в пыльную студию, где провел первые восемь лет своей жизни. Хотел попрощаться с Марией, поблагодарить за то, что когда-то она стала его био, извиниться, что уже года три не навещал, добавить что-нибудь про гражданский долг, про победу над врагом. Но неожиданно заснул, а с утра оказалось уже поздно – Мария ушла. Чезаре побродил по старой студии, подошёл к окну, раздвинул жалюзи, взглянул вниз – на Квинс – и спустился обратно.

Долорес не поехала провожать Чезаре до КПП, хотя он просил. «Боюсь, не выдержу», – извиняясь, пояснила она и снова заплакала. Слезы капали в недоеденный салат, отчего шарики моцареллы становились горько-солёными.

Долорес Романо и Чезаре Броччио попрощались у подъезда, там же, где и познакомились почти шесть лет назад. Когда дверь подъезда закрылась за Долорес, Чезаре наконец смог повернуться и пойти прочь. На войну.

Теперь каждый раз, когда сержант Чезаре Броччио идет в бой, он вспоминает о том, что дома его ждет Долорес Романо. «Я привезу ей новое красное платье», – твердит сержант, и ему становится легче, его жизнь приобретает смысл, а его слишком вероятная смерть отодвигается на неопределенный срок.

Известно, что возвращаются те, кого ждут.

* * *

Мария Таледжио встретилась с Долорес Романо только через два дня после ухода Чезаре на войну. Долорес, затянутая в униформу специалиста А-категории, поджидала в парке напротив корпуса институтской лаборатории.

– Чезаре ушел? – Мария кивнула Долорес как старой знакомой и присела на край скамьи. – Вы смогли убедить его, что вы, ммм…. Настоящая?

– Да. Всё вышло очень естественно и убедительно, не беспокойтесь. Мальчик уверен, что синьора Романо – это синьора Романо, и только. И знает, что его дома ждут. Всё, как вы просили.

– Я и не беспокоюсь, – Мария запнулась. – Возможно, моя просьба показалась вам странной. Но Чезаре всё-таки мой ребёнок, пусть и мальчик.

– Понимаю, – чуть хрипловатый голос успокаивающе зашелестел. – Сейчас многие биоматери первой волны просят о чем-то подобном. Нефункциональная эмоция, привязанность к сыновьям – печальный результат домашнего воспитания. Хорошо, что этот нелепый эксперимент остановили. Мальчик – на то и мальчик, чтобы воевать. Знаете, о чем я мечтаю, Мария? Чтобы уже запустили промышленное производство клонов, и чтобы женщины наконец-то избавились от этого унизительного и утомительного репродуктивного долга. Чтобы можно было просто рожать дочерей, жить, любить, радоваться…

– Рожать дочерей. Любить. Радоваться, – повторила Мария вполголоса и улыбнулась. – Да. Именно так.

Они попрощались вежливо, без лишних церемоний, как и положено двум спецам категории А. Мария ещё недолго посидела в парке, глядя на воробьёв, бултыхающихся в луже. Один, с вздорным хохолком и несуразно длинными лапами, особенно отчаянно нырял в холодную воду. Раз за разом, стряхивая с перьев серые брызги, лез в лужу и возвращался на берег. Возвращался? Мария закрыла глаза, досчитала до пяти. Потом встала и обычным упругим шагом направилась к выходу.

Вечером она не поехала в Квинс, впервые за многие годы заночевав в лаборантской. Работа над проектом подходила к концу, требовалось лишь выбить гранты на полевые испытания.

* * *

Через полгода сыворотка на термофильной основе – разработка группы технологов под руководством Марии Таледжио – пройдёт предварительное согласование.

Конструкторский отдел Института приступит к проектированию репродукт-системы с рабочим названием «Броччио Ферма».

Через пять лет несколько десятков «ферм» введут в эксплуатацию, а через десять месяцев они выйдут на проектные мощности.

Ещё через пять лет правительство отменит Закон об обязательной репродукции.

Женщинам не нужно будет больше рожать солдат – клонов идеального солдата Осо-Ирати Броччио.

Объёмы производства клонов увеличатся в сотни раз.

В результате удастся сначала приостановить атаки мернийского флота, а потом и перейти в наступление.

Группу биотехнологов во главе с М. Таледжио представят к правительственной награде. На церемонию награждения Мария Таледжио придёт со своей пятилетней дочерью.

* * *

Но это потом. А пока сержант Чезаре Броччио идет в атаку… Пока сержант Дваро Броччио идет в атаку… Пока сержант Эторки Броччио идет в атаку… Пока сержант Збринц Броччио идет в атаку…

Они идут в атаку! Мальчики. Солдаты. Похожие друг на друга, как шарики моцареллы, но все же разные.

Ведь одному из них нужно непременно привезти красное платье из мернийского шёлка для Долорес Романо. А значит, вернуться!

Ведь возвращаются лишь те, кого ждут.

Сие – тварям
Тёмная фигура Алексей Провоторов

Я иду, а пепел, наверное, шуршит под ногами. Я ничего не слышу сейчас, но должен же он шуршать.

Я серый, белый, чёрный в этом бесцветном мире. Моё тело ещё покрывает закопчённый металл, а вот ткань сгорела. Тлеют остатки плаща у самой шеи, тлеют обгорелые манжеты, но кольчужные перчатки пока держатся.

Я не вижу края. Конечно, нет. Край мира, надо же придумать такую чушь. Пепел опускается и взлетает вверх, как неправильный снегопад. Кричат, наверное, птицы, но я не слышу и их. Он летают вокруг, серые и лохматые от пепла; наматывают спирали. Нет уж, я ни одной не дам приблизиться ко мне. Я рискую пропустить послание от Устины, но, в конце концов, кто поручится, что там, в письме, не то самое слово, которое заставит меня рухнуть?

Может быть, птицы – конечно, это вороны, кто ж ещё, – даже кричат это слово, чтобы Гварда услышал и начертал его передо мной. Но я не знаю этого. В ушах всё звенит после огненного урагана, которым он встретил меня на подступах. А ещё я не ведаю, жарко сейчас на самом деле или холодно. Я просто иду.

Разбавленный, редкий воздух вокруг меня дрожит, плохо держит птиц. Они прыгают, волочат крылья; я отгоняю их, отшвыриваю.

«… И рыбы в воде, и птицы в небе, и древа в чаще будут противиться ему». Если б какому-то ему. Это ведь про меня написано. Про того, кто решит наперекор Богам сходить посмотреть за край мира. Уж на этот счёт Божья книга права. Я вспоминаю догорающую чащу и тихо смеюсь. Противьтесь. Я своими глазами увижу, что у мира нет края.

Держись там, Устина. Скоро всё кончится. Я уже вижу что-то за близкой грядой, выше пепла. Гору, дальнюю скалу – не знаю. Но оно – за краем известной карты. А значит, что-то там да есть. Мы были правы, Устина, подруга. Может быть, ты согласно киваешь сейчас, и твои золотые кудрявые волосы качаются, как пружинки. Я скучаю по тебе.

Меч в моей руке потёк каплями, но одна сторона пока остра, а лезвию ещё хватает длины. Этот меч не имеет имени. Значит, его нельзя заговорить.

Кожа моя пошла трещинами, но это не те трещины, которые могли бы остановить меня. Уж крови-то точно нет.

Ты будешь плакать кровавыми слезами, обещала волчица; ты побежишь в ужасе, сказал мне тот, огромный, прижавшись ко льду.

Теперь все они позади. Впереди лишь Гварда, и он смотрит на меня. Я вижу четыре смазанные точки, оранжевые, как настоящее пламя. Когда он поводит головой, за ними тянутся огненные нити. Наверное, он мог бы начертать слово в воздухе, просто двигая мордой, если бы додумался. Ему сейчас трудно. У него больше нет огня, а моя сталь ещё при мне. И не только она, что важнее. Интересно, какой здесь запах? Я не знаю. Не чувствую. Здесь и воздуха-то почти нет, а тот, что был – выгорел.

Пепел уже не летает, только редко падает с туманной высоты.

А вот и птицы отстали.

* * *

…За городом изгнанных, именуемым Миртва, встретил я рагану Теорезу, колдунью и божницу. Я не узнал её сразу, да и она меня, но там, при Миртве, пала моя тайна. Не имя, но суть.

Скорее всего, позже Теореза отправила птицу к Олефиру, что, как Божья гончая, летел уже по моему следу на своём медном коне. Того выковали ещё под присмотром самих Богов, прежде чем они покинули мир, наказав беречь бесчисленные заветы.

Мне бы не помешал такой, ибо лошади отказывались носить меня; уж животные-то чуяли. И потому я шёл пешком, пешком же вошёл и в город, где обрёл немногое и утратил нечто.

А было это так.

Я уже миновал обвалившиеся сизые башни, заплетённые багряным плющом, и пустую узорную мостовую главной площади и приближался теперь к западным окраинам города. Он был невелик, и покинутых домов я видал достаточно – мало кто хотел жить так близко от Закоты. Не так уж много вёрст отделяло Миртву от края карты, который многие считали и краем бытия человеческого; и ещё меньше – от земель, признанных божниками заповедными. Это было последнее селение на моём пути. Его основали некогда изгнанники королевства, и теперь ещё в Миртву ссылали провинившихся перед короной, хоть она давно уже была в руках у божников, а не на голове законного продолжателя династии.

Впрочем, до короны мне не было дела. Она никогда не могла стать моей, а значит, не могла и волновать меня. У меня имелись другие цели. Я был фигурой, которая намеревалась пересечь доску для игры не затем, чтобы вырасти в ранге, а чтобы нарушить все правила, шагнув за край доски.

На улице, протянувшейся по склону, на усыпанной золотом мостовой, я поднял яркий лист, на который едва не наступил. Зелёный. Может быть, последний зелёный лист всей этой осени.

Я подобрал его, почти не веря удаче. Только час назад птица с лапкой, перевязанной лентой, настигла меня. Лента была зелёной и совсем небольшой, но я забрал и её вместе с письмом, прежде чем отпустить птицу. Я положил ленту в сумку, рядом со склянками, чтоб была под рукой.

Я сжал черенок забранными в железо пальцами, думая, как сохранить лист в походе. Мне предстояло идти всю ночь, а прошлая выдалась морозной; и солнце уже наливалось малиновым, сваливаясь в зимний закат. Я чувствовал, что снег близко. Не сегодня, так завтра эти земли заберёт белизна, и мне негде будет добыть зелени, которая так нужна.

Если бы я знал об этом до начала пути. О, и плащ мой был бы зелен, и доспех, и рукоять меча я покрыл бы зелёными камнями. Да я б лицо выкрасил в зелёный цвет, если б ведал.

Теперь приходилось довольствоваться малым.

– Зачем тебе лист, рыцарь? – спросил меня человек, проходивший мимо.

– Дочери на игрушки, – ответил я неохотно. Я не любил города, в основном за то, что в них жили люди. А по их мнению, рыцарь должен поднимать лишь розы, брошенные прекрасной дамой, и по улицам ходить если не с окровавленным мечом в руках, то с головой врага или кубком победы.

Вряд ли я отсеку голову врагу своему, и уж кубка за эту победу мне точно не вручат. И так за мной погоня; Устина писала, что божники в ярости. Конечно, я бы тоже был в ярости, укради у меня кто-нибудь целую связку столь ценных и столь древних книг.

Однажды я побывал в городе, где больше не было людей. И, стоя под красными небесами, глядя на пустые дома, в тёмные окна без света, я понял, что мне не хочется уходить. А отсюда, из Миртвы, хотелось уйти поскорее.

Я спрятал лист в сумку, положив в сложенное письмо, и пошёл дальше. Прятал я и лицо – под низко надвинутым капюшоном серого плаща и высоко поднятым шейным платком. Я не хотел, чтоб Олефир знал, с кем ему сражаться. А что он летит за мной, я не сомневался. Впрочем, Олефир меня не волновал – я знал, что мы не встретимся, только бы мне пересечь реку. А она была недалека. Дальше уж меня отдадут на откуп Гварде, буде таковой существует и ждёт нарушителей на краю мира.

Проклятое словосочетание, преследует меня. У мира нет никакого края, что бы ни было написано в Божьей книге, что бы ни лгали столетиями божники, рисуя круг и назидательно грозя тяжёлыми от золота перстами над краем карты, где белое, незаполненное поле вокруг мирового диска было помечено лишь двумя словами: сие – тварям.

Я шёл, осматриваясь.

Осень упала на город, засыпала его золотом, бронзой, пурпуром. Улочки на склонах холмов утопали в опавшей листве, камень стен укутал плющ, как будто окрестные леса хотели утащить городок в себя. Пройдёшь вперёд – есть город, вернёшься назад – нет.

Вот было бы хорошо.

Я никогда не бывал здесь раньше. Но путь мой был не так уж долог, и это немного пугало меня. Границы известного, разрешённого Богами мира оказались не столь велики, как привыкли себе представлять люди, никогда не выбиравшиеся из Центра. Нет, велики, конечно же, но не гигантских, я бы сказал, размеров. С некоторых пор я начал подозревать, что эти границы – обман. Что мир – не диск, вращающийся в пустоте по воле Богов, и что за краем его не обитают злобные твари, ибо мир – это шар.

Размышляя об этом, у одного из дворов я увидел облетевшую, одичалую грушку. На ветках ютились маленькие, круглые, скорее всего невероятно терпкие плоды. Я остановился и сорвал горсть, потому что они были зелены.

– Эти совсем не вкусные, рыцарь; угостить тебя спелыми жёлтыми? – спросила молодая хозяйка, выглядывая из калитки.

– Нет, спасибо, – ответил я. – Люблю бросать их в напиток. Для кислоты.

Я пошёл дальше, пока не вышел из обвалившихся, обмазанных глиной, белёных старых ворот, оставил за спиной город, где никогда не узнают, что у меня нет дочери и что я не люблю кислого. Город, где я добыл немного зелени.

Девушка в цветочном венке, в простом платье, с белой кожей и чёрными волосами, пасла на лугу овечку. Белую, пушистую, словно облачко. Шар шерсти и крутые рога. Я даже морды не видел.

У девушки была зелёная лента в косе, а во второй, как я увидел секунду спустя, – красная.

– Девица, подари ленту рыцарю, – попросил я, проходя мимо.

– Зачем рыцарю лента? – спросила она, улыбаясь ровными белыми зубами. Конечно. Я взглянул на ногти.

– На память о такой красавице, – ответил я, не изобретая пышных поводов.

Лицо её показалось мне знакомым, и я не удивился.

Девушка взялась за красную.

– Мне бы зелёную, – сказал я.

– Зачем тебе зелёная, рыцарь? Красная красивее!

– Красному, – сказал я, глядя ей в лицо, – и дурачок рад. А я не дурачок.

– Я поняла, – ответила девушка, и глаза её потемнели, сравнявшись цветом с провалами зрачков. Ну, собственно, я не слишком таился. Да и она тоже – такие красные губы, белые

зубы, цветные глаза и розовые ногти бывают только у колдуний. Нет, красивых девушек полно, но эти всегда перегибают.

И вот когда глаза её стали почти черны, я узнал её, рагану Теорезу. Ибо мы были знакомы, как знакомы почти все колдуны Центра.

Надолго ли надела она платье, надолго ли подняла глаза от чёрных книг?..

– Восстань! – рявкнула дева, являя покрытый синими татуировками язык. Не в магических целях – просто ради моды. У неё ещё и уши были проколоты. Вот пошесть.

Овца зашевелилась, разогнулась, разворачиваясь, как зверь броненосец, являя миру мослы и жилы, металл и дублёную кожу. Кадавр из железа и кости, покрытый шерстью.

Ростом он оказался повыше меня; живот был пуст и провален, и обвитый проволокой позвоночник виднелся среди всяких металлических шипов и шестерней, насаженных на выступы костей. Готов поспорить, я узнал зубы от бороны и грабель, и рыбацкую пику.

На рёбра, стянутые сыромятными лентами, были набиты стальные острия; кости – явно не только овечьи – украшала затейливая резьба. Руки оказались человеческие, числом четыре; а вместо головы был конский череп с бараньими рогами, увитый лентами; один зуб его был медный, а второй стальной, и в глазах его было пусто, лишь свиток старой бумаги слабо желтел в темноте.

Он был страшен, на первый-то взгляд. Я бы понял рыцарей, которые бросили бы меч и бежали. Я же свой не бросил. Я носил простой клинок, безымянный, и магия ничего не смогла сделать с ним.

Рагана отскочила в сторону, когда её боец шагнул ко мне, а я к нему.

Сильный, скотина, и быстрый. Он не стал фехтовать, а просто ударил по моему мечу, подавшись вниз половиной тела, и тот чуть не вылетел из руки. Его меч скользнул поверх моего и попал мне в лицо, так, что брызнули осколки. Мой же клинок он взял рукой, не чувствующей боли, и стал выворачивать. Второй удар пришёлся мне в шею, раскроил капюшон.

Я рванул меч, отрезая кадавру пальцы, пригнулся, уходя от удара круглым деревянным щитом. Тут было важно, чтоб он не обрушил ничего мне на голову, я мог и не выдержать.

Я перебросил меч лезвием вверх, резко разогнулся, и его левая верхняя рука в обратном движении налетела на лезвие. Её срезало вместе со щитом; обескровленная плоть полетела на жёлтую траву, а я рукоятью нанёс удар ему в голову, развалив конский череп. Моя рука тоже была тяжела.

Его повело вбок, и, прежде чем он выровнялся и ткнул мечом в мою сторону, я выдрал из его головы свиток и разорвал его. Потом толкнул ослабевшее тело на землю – оно с грохотом упало в пыль, и некоторые кости, например, ключицы, сломались; – и начертал клинком ему на лбу короткое слово.

Теореза глядела на меня во все глаза. Она никак не ожидала, что я свалю её творение. Ну да, кого другого он бы убил. Но никого другого здесь не было.

Я шагнул к ней, и она запнулась о свой складной стул и упала на локти.

– Ленту ты дашь наконец или нет? – спросил я, приподняв девичью косу лезвием меча.

Рябь прошла по атласу, не пропала, а собралась в чешуйки, и зелёная змея, мгновение назад бывшая лентой, устремилась ко мне по мечу.

Я выругался и бросил клинок, но она нырнула в рукав, скользнув по кольчужной рукавице, и укусила меня в тот самый момент, когда я поймал её за хвост.

По крайней мере, попыталась.

Теореза было расхохоталась, но быстро замолкла.

Я выбросил змеюку подальше, одновременно наступив ногой на меч, чтоб рагана не сцапала. Разрезанный капюшон съехал на затылок.

– Дошло? – спросил я с досадой. – Расскажи им теперь.

– Ах ты сволочь, – сказала она. – А наши гадают, чего никто не смог тебя уделать. Чтоб тебе неладно было.

«Красавицы проклянут его и отвергнут; зверь заговорит с ним чёрной пастью в час хладный, и рыбы в воде, и птицы в небе, и древа в чащах будут противиться ему».

Ладно, что поделать. Ленту вот жалко. Дальше городов уже не будет, и ничего такого зелёного я уже не достану. Змею, что ли, надо было поймать?..

– Ты хоть кто? – спросила она.

– Ха, – невесело, но удивлённо сказал я. – Смеёшься, что ли?

– Отступись, – сказала она. – Ты проклянёшь сам себя, когда увидишь край мира и чудовищ, что живут за ним. Но они узрят тебя, и будет поздно.

– Нет никакого края, – сказал я. – И никаких чудовищ. Ты врёшь, проклятое отродье, и все вы врёте. Я поговорю с тобой, когда вернусь.

– Ты не вернёшься, – сказала ведьма.

– Я удивлю тебя.

Теореза рассмеялась, и смех её сопровождал меня, пока город не скрылся за поворотом дороги.

– Проклят! Будь проклят! Да ты уже проклят и проклянёшь сам себя! Сам!

Я всегда знал, что божники, хоть жрецы, хоть колдуньи, хоть городские пижонки вроде Теорезы – слегка неуравновешенные. И старался поменьше с ними связываться. И правда, какие нормальные люди будут так гоняться за мной из-за пары книжек и моего желания выбраться за пределы карты? Ну не верю я в запреты Богов – что в самих Богов мне верить не мешает, ибо их в прошлом лицезрели слишком многие, – но ведь не убивать же за это, в конце концов?

Я шёл, кроша сабатонами сухие листья, пока не вошёл наконец под сень леса, и он принял меня, заглушив далёкий злой смех раганы.

Солнце истаяло в дымке. Близился вечер, и редкие лужи в лосиных следах подёрнулись ледком. Он звенел под ногами.

Никто не хотел, чтобы я достиг края мира. Потому что у него нет края. Старым сказкам жрецов придёт конец, если окажется, что мир кругом существует. Наверное, наши земли в легендах других, неведомых стран почитают за опасные – наши границы стерегут истинные твари, и все они не за пределами круглой карты, а внутри неё. Стерегут нас от нас же. Чтоб мы всегда сидели здесь, ждали Богов и чествовали божников. А они правили бы всем, чем можно править, якобы блюдя заветы о том, каким Боги хотели бы найти свой мир, когда вернутся.

…Только вот что-то всё больше стало подпадать под эти заветы.

Может, в древности Богам легче было управляться именно так; может, они и правда укрывали нас, свой народ, от каких-то грозивших нам тогда опасностей. Но с тех пор, как они истаяли в голубой дымке неба, оставив лишь сброшенные рога и отмершие когти, никто из людей, живущих в пределах Диска, не покидал его. Герой давних преданий, Агап, рыцарь с чибисом на гербе, однажды бросил вызов божникам, – такой же, как и мы с Устиной. И, по рассказам, тоже нашёл ключи, которыми Боги усмиряли Гвард, самых мощных своих созданий, коих оставили на страже границ мира, якобы от тварей, обитающих в бездне.

Но Агап, перебравшись через реку Закоту, что будто бы опоясывала мировой диск, так никогда больше и не вернулся; можно было бы поверить, что он ушел за поля карты, но конь его возвратился к реке, и свидетели видели рану и кровь у коня на боку и репейник в гриве. Конь не смог переплыть реку обратно и исчез в заповедных лугах за нею. С тех пор никто из живущих, кроме божников, за Закотой не бывал.

Может, Боги и вернутся, хотя, кажется, уже вряд ли – видно, есть у них ещё миры, кроме этого, – но в то, что мир не диск, я верил безоговорочно. Я сам видел книгу, где доказывалось, что мир – это шар; я знал, что Агап видел её и оставил запись «Просмотрено Агапом из Скуй»

на последнем листе; и Устина видела книгу тоже. Та, судя по всему, была древней, когда автограф легендарного героя был ещё свеж.

Об этом думал я, пока наползали тучи и багровело за ними высокое осеннее небо, в лесу, оранжевом и жёлтом.

Я вынырнул из своих мыслей и остановился, ибо почуял зверя. Не дыхание, не шелест, не лай загоняющий, а взор. И не в затылок или спину, как, бывает, бросают взгляд, желая зла, а в лицо, в глаза.

Я остановился, не шевелясь, замер, истинно как статуя, и вгляделся в синие тени, из которых уже выглядывала скорая холодная ночь. Ничего, только полосатая птица перелетела с ветки на ветку да лист упал с клёна.

«… И зверь заговорит…»

Замирать, видно, у меня и правда получалось хорошо. Были тому причины, было и подтверждение: бурундук перебежал дорогу едва ли не в локте от меня, видно, приняв за каменное изваяние. Синица села на плечо. Я выждал ещё немного – не из осторожности, а потому что хотел посмотреть на бурундука и синицу, – и шагнул вперёд. И тут из теней и кружения листьев, рыжий и седой, как сам лес, вышел зверь. Большой, зараза, в холке мне по пояс. По шерсти его пробегали искры. Он сморщил нос и оскалил желтоватые зубы и тёмные дёсны.

– Не заграждай пути, – сказал я, и убоялся, что он ответит мне.

– Я не пропущу тебя, – ответил он хриплым высоким голосом, и я увидел, что пасть его черна.

Ну вот, значит, я и дошёл до черты, и древние механизмы провернулись на своих осях. Второе совпадение с Божьей книгой за один вечер.

– Почему? – спросил я его.

– Ты идёшь на край мира.

– У мира нет края.

– Боги велели людям никогда не заглядывать за него.

– А тебе велели стеречь? Ты не думал наплевать на приказы богов, которых уже полтысячи лет никто не видел?

– Я не предам создателей и не накличу тварей, что живут за краем мира. И тебе не дам.

– Боишься за свой лес? – я рассмеялся.

– Боюсь за весь мир.

– Извини, глупо звучит, учитывая твой вид.

– А ты свой таишь.

– Есть причины.

– Уваливай.

– Как грубо.

– Я могу и порвать.

– Я могу и зарубить.

– Был тут один такой.

– Не такой. Да и его, Агапа, ты как-то пропустил?

Зверь нахмурился, пошуршал лапой в листьях.

– То не я, то был отец моего отца.

– Назвать его дедом, что, вера не позволяет?

– Я верю в то, что Боги вернутся.

– Я и не отрицаю. Просто хочу посмотреть, что там за клеткой, которую они для нас отвели.

– Там твари, рыцарь. Но ты не увидишь и их – Гварда остановит тебя, как остановил Агапа.

Я шагнул к нему, и зверь подвинул лапу вперёд. Изящную, я бы сказал. Он весь был словно нарисован хорошим графиком, почти утончённый, с золотыми глазами и тёмной шерстяной маской на рыжей, не то волчьей, не то лисьей морде. Лапы его были подобны волчьим, когти кривы, а хвостов было, конечно, семь.

– Уходи, – сказал я.

– Возвращайся, – сказал он одновременно со мной.

– Нет – ответили мы хором, и я рванул из ножен меч, а он взвился с места, словно пружина.

Как мог быстро отскочил я в сторону, и зверь толкнул меня лапой и плечом, так, что я полетел в листву.

Клинок свистнул, рассекая холодный воздух, и зверь прянул вперёд, ниже меча, чтобы ударить меня лапами в грудь. Я отступил в сторону и развернулся, не опуская клинка.

Зверя занесло в листве, но он повернулся на удивление быстро, распахнул пасть и снова припал к земле перед прыжком. Я подал руку от плеча вперёд, и клинок вошёл ему в пасть.

Мне оставалось лишь дожать удар.

Вместо этого я медленно, медленно потянул клинок на себя, по языку зверя. Металл скрежетнул о зубы.

За спиной зверя, выкатившись из леса, стояли два маленьких волчонка. Пушистых, неуклюжих.

– Твои? – спросил я.

Тот кивнул, осторожно.

Теперь я понял, что это была самка. Боги, почему иногда я так туп.

– Я оставлю вас в покое, если ты дашь мне пройти.

Ещё одно согласное движение головой.

Я достал меч. Он был чист, ни капли крови.

Охапкой осенних листьев я вытер его.

– Но ты будешь плакать кровавыми слезами, когда увидишь край мира, – сказала волчица, или кто она там. – Я бы не дала тебе пройти, несмотря ни на что. Но есть шанс, что тебя остановят другие. Пока он есть, я не буду рисковать детьми.

– Я бы не тронул твоих детей в любом случае, – сказал я. – А теперь я ухожу. Живи и дай жить другим.

– Ладно, я-то что. Так, просто предостережение. Гварда разберётся.

– Спасибо, конечно, теперь я уведомлен. И пойду по своим делам.

– Ты не вернёшься, – сказала волчица.

– Я уже слышал это, – ответил я. – Когда-нибудь я вернусь, отведу тебя к краю карты и покажу земли, что лежат за ним.

С этими словами я отвернулся от неё и пошагал дальше. Мне казалось, что она вцепится мне в шею, но она осталась стоять там, где стояла. Когда я не выдержал и обернулся, её уже не было, только низкая ветка качнулась. Как ладонь, отгоняя: иди, мол.

Невидимое за ветвями и тучами солнце скатилось за горизонт и погасло, наступила ночь, а ночью пошёл снег, и тонкий лёд снова звенел у меня под ногами. К утру лес стал чёрным и белым, только иногда алый лист проглядывал из-под покрова. Я прошагал целый день, и ночь, ожидая стука медных копыт, но его не случилось. Никаких препятствий. И никакой зелени.

Снова наступило утро, и я подумал, что скоро уже станет видна Закота.

Я вышел к ней спустя час. Не стал доставать карту, не стал ничего сверять. Это была та самая река, которая опоясывала мир. Если верить карте, конечно. Как могла река течь, если ей некуда было течь, если она не имела начала и конца? В Божьей книге, написанной нашими предками под диктовку самих божественных исполинов, было записано, что вращение диска придавало ей движение. Море на карте мира было в центре диска.

В другой же древней книге, на неизвестном языке, но с прекрасными иллюстрациями, мир был шаром. Ни я, ни Устина не нашли на тех картах нашей страны, но, честно, я не так уж представлял себе, как её там искать. Я и не был во многих её местах; сюда же, на Запад, я отправился лишь потому, что именно на Гварду Западного пути некогда нашёл управу Агап. А значит, ключ этого Гварды точно описывался в старых фолиантах божников, которые Устина осталась читать после моего поспешного отбытия.

И этим ключом был цвет. Теперь уже я знал и это, и какой именно цвет. Жаль, его здесь не было.

…На реке лежал лёд. Наступала зима, подкрадывалась от края мира, края, которого не может быть; и маленькую лодочку, вмёрзшую в ил у самого берега, припорошил снег. На скамье пестрели свежие следы белки: маленькие ладошки и ступни. Отчего-то они подняли мне настроение.

Я осмотрелся в прозрачном, стылом воздухе и начал спускаться к берегу, придерживаясь за плети багровой, как вчерашний закат, прибрежной ежевики. Все ягоды на ней уже засохли, и все листья стали из зелёных багровыми.

Конечно же, я не собирался возвращаться: ведь Олефир был, скорее всего, близко, да и неизвестно, не пришлось ли уже бежать Устине, оставив своё убежище. Божники не теряли времени; раз меня поджидала Теореза, приманивая зеленью, значит, они уже знали, что мне известен ключ. Они знали это не от Устины – тогда птицы от подруги я уже не дождался бы, – а просто потому, что им было известно, что же написано в книгах, которые мы украли.

Мне стоило спешить, пока они не узнали моё имя и не наложили заклятий. Теореза не могла сказать его Олефиру или отослать птицей к жрецам – другое она увидела под капюшоном, а не знакомое ей лицо.

Пара воронов железно перекрикивалась в белом небе, медленно падал снег, такой редкий, что я не сразу его заметил. Стояла тишина. Я понимал, что могу не перейти реку. Хотя, подойдя к берегу, убедился, что лёд уже достаточно прочен. Наверное, он лёг ещё вчера – погода иногда и в Центре выкидывала странные штуки, словно бы и правда зависела от неких незримых колец. Но сейчас она играла мне на руку, и я не стал об этом размышлять.

Лёд лёг на чистую воду, без снега, и был прозрачен. Слабый ночной снегопад присыпал его, но ветер смёл снег с середины реки, и казалось, что я шагаю по воде или по стеклу. Глубина подо мной молчала. Только лениво колыхались подо льдом чуть светлые полосы водорослей. Зелёных. Но я не мог достать их.

Я шёл, глядя в завораживающую глубину, и заметил движение.

То, что я считал очертаниями подводного рельефа, тенями в струях воды, сдвинулось, стремительно воспарив к поверхности. И ударило снизу в лёд.

Огромный рот прижался снизу к ледяной глади. Он поглотил бы и меня, и пару лодок за раз.

– Остановись! Ты в ужасе побежишь назад, когда доберёшься до края мира!

Голос звучал, словно из бочки, глухо, мощно, но разборчиво. Дрожь прошла по доспеху.

Я не стал отвечать ему.

– Ты станешь искать убежища, но будет поздно!

По льду пошла трещина, и я ускорил шаг, радуясь широким подошвам. Жаль, весил я в доспехе немало.

– Ты не вернёшься!

Вместо ответа я побежал, как мог, ибо оно снова ударило в лёд, он треснул, и стылая вода хлынула по глади. Трещина с сухим хрустом обогнала меня в долю секунды; а за ней другая. Вода из трещин примерзала на бегу. Я прибавил ходу, поскользнулся и упал на колено и руку. Лязгнули склянки в сумке, и, поднявшись, на бегу я распахнул её, чтобы проверить, целы ли. Мне бы ничего не сделалось, но проливать их содержимое на льду я не хотел.

Стекло не треснуло, жидкость оставалась в сосудах, зато налетевший ветер, словно назло, выдернул из сумки лёгкую зелёную ленточку и понёс вдоль реки.

От третьего удара лёд вздыбился осколками, тёмная вода залила ступни. Но я был уже у заснеженных корней, у берега. Спустя мгновение я вскочил на сушу.

Громадный некто, похожий на рыбу налима, чёрный и тяжёлый, выпрыгнул до половины из воды, хватая воздух белыми губами над страшной пастью, и обрушился в воду, мягко, почти без плеска, как и не было его.

Я отбежал на всякий случай подальше и вскарабкался на склон. Но за спиной было тихо, никто не шумел, никто ничего не говорил.

Я обернулся на реку. Чёрная вода уже успокоилась, сожрав мою зелень, а вот на том берегу я увидел движение. Медно-красный, заиндевевший конь выехал на берег, и человек в чёрном плаще досадливо выругался. Впереди него, прижавшись к его покрытой бронёй груди, сидела рагана, и красная лента по-прежнему была у неё в волосах.

Снег в эту минуту повалил сильнее, и я даже немного полюбовался ими, пока Олефир ругался. Гроза беглецов и верный пёс божников. Я показал ему один жест и пошёл дальше, уже не оборачиваясь.

Даже не будь в воде этого громадного, он бы в речку не полез – утлая лодка не выдержала бы металлического коня, а мостов через эту реку не наводили. Ибо Божьи твари не трогают только божников, и лишь тем можно приближаться к краю мира, раз в год, чтобы покормить Гварду.

Теперь и я ступил на запретные земли, и даже шёл по ним, никем не остановленный, слушая, как свистят в лесу птицы. Местность ощутимо подымалась вверх.

Все отстали от меня, и я шёл ещё несколько дней. Птицы перестали приносить вести, и я понял, что Устине пришлось бежать. Если только она не была схвачена, в чём я сильно сомневался.

Я проверил свои находки. Негусто. Лист засох и поблёк, груши сморщились, пожелтели и покрылись чёрными пятнами. Вот тебе и вся зелень.

В карту я для порядка заглянул, хотя и так знал, что максимум на ширину ногтя отстою от внешнего контура и белого поля за ним. Сие – тварям, написано там, с краю. Буква Т потекла.

Тварь, по крайней мере одна, должна была ждать меня ещё в пределах карты. В начале похода я надеялся, что Гварда – лишь страшные сказки, придуманные жрецами; но всё больше убеждался, что книга Богов всё же не везде врёт. Так что Гварду они вполне могли там оставить: беречь очерченную границу.

И если Устина права, если ключом действительно служит зелёный цвет; если Гварда ляжет, как послушный пёс, стоит показать ему что-нибудь зелёное – то мне ему показать нечего. А пройду ли я его без ключа – большой вопрос.

Впрочем, всех остальных я вроде бы миновал. Хотя… Птицы и древа. Меня беспокоили эти птицы и древа. Иногда я посматривал на небо, не летит ли там что-нибудь величиной с коня.

Нет, никого там не было. Ни чудовища, ни даже воробья.

Тут царила какая-то пустая, почти бесснежная зима.

Начались скалы, а к скалам жался голый чёрный лес. Небо словно истончилось и потемнело. На камнях, облитых серым мёртвым мхом, иногда я видел царапины. Словно что-то точило о них когти.

Что-то, передразнил я себя. Каков романтик. Как будто я не знаю.

Гварда, конечно. Спускался, бродил здесь, да и точил.

Я прикинул размер когтей и подумал, что Божья книга таки не врёт. А жаль, я так надеялся на то, что они там прихвастнули.

Я ускорил шаг, всматриваясь в лес, который казался засохшим. Он стоял, чёрный, будто в нём запуталась ночь, сухой, покрытые скудным снегом вышние ветви были как штрихи по краю. Кое-где тускло бронзовели кроны зимних дубов, жадных до собственной листвы. Они будут хранить её всю зиму. Странно, подумал я, ведь Гварда ходит здесь, как же зелень, которая для него запретна?

Потом понял. Пока лес зелен, он и не приближается сюда; никак не может. И именно поэтому божники отправляются кормить Гвард среди лета.

Я вошёл под лесную неприветливую сень и пошагал вперёд. Здесь когда-то была дорога; кроны над головой не смыкались, тянули друг к другу ветви, но пока достать не могли. Лет через сто тут и впрямь всё зарастёт.

Тоннель был достаточно широк, чтобы здесь прошёл Гварда. Такой, каким он нарисован на старых жёлтых страницах дрожащей рукой.

Да уж, я б под диктовку Богов вообще ничего не нарисовал бы.

– Помогиии… – тоскливый, с переливом, звонкий голос позвал меня. Рассыпался о деревья, и, подрагивая, разлёгся в холодном воздухе.

– Помогиии… – и мольба, и просьба, и жажда, и страстное желание ответа. Да что ты будешь делать.

Я остановился и прислушался. Далеко слева. Кого б ещё занесло в такую даль? Кто мог терзать невинную – а может, тысячу раз виновную – жертву?

По второму вопросу я мог бы составить список. Но не Гварда, и то хорошо. Там на помощь-то особо не позовёшь.

– Помогиииии…

Иду. Разве ж я пройду мимо, последний рыцарь на краю мира? Я усмехнулся.

Было в этих криках о помощи что-то задумчивое. И такое личное. Не помогите, а помоги. Как будто мне.

Эх, подумал я. Красавицы проклянут его, и отвергнут.

И свернул с тропы в чащу.

Было темно. Чёрные палые листья, тёмно-серые стволы, головокружительное сплетение веток; мир, будто бы второпях заштрихованный пером – рваные, колючие линии, терновник, дубы и что-то неведомое мне. Голос доносился всё чётче, не то чтобы громкий, но хорошо слышный в тишине. Хотя воздух тут был редкий, как будто разбавленный пустотой.

Я пригнулся и вынул меч. Он путался в зарослях и немного мешал, но мало ли чего. В конце концов я наловчился отводить им ветки с дороги. Но те всё равно лезли в лицо, а одна стянула с меня капюшон. Я напялил его обратно. Не от холода – холодно мне не было, голодно тоже; – а ради образа. Так не было видно моего лица, а в темноте – тем более.

– Ээээээээй… – голос уже не просил о помощи, просто звал. Мне, первый раз за всё путешествие, вдруг сделалось не по себе. Дался мне этот край. Сидят себе люди дома, слушают, что сказали им Боги, и ждут, когда те вернутся с полными пригоршнями процветания. А меня вот понесло за поля.

Я вышел в низину, где росло одно лишь дерево. Старое, величины непомерной; наверное, четверо таких, как я, могли бы обнять его.

Оно росло из крутой, глубокой впадины. Чтобы спуститься к нему, мне нужно было скользить по откосу.

– Помоги же, рыцарь! Спустись и освободи меня! – голос шёл прямо из большого тёмного дупла, начинавшегося на высоте четырёх футов от земли. Отсюда разглядеть я никого не мог.

– Чудовище схватило меня и приковало здесь! – раздался звон цепи, и бледная рука на мгновение мелькнула в темноте.

Я ступил на край и съехал вниз по склону.

Дерево качнулось, изгибаясь, с рёвом и грохотом обрушило на меня ветви. Земля выскочила из-под ног, и я кубарем полетел вперёд, прямо головой в дупло. Которое враз ощетинилось треугольными, сырыми шипастыми крючьями. Или зубами.

И древа…

Удар. Я влетел в тёмное липкое пространство головой вперёд, и тут же пасть древа сомкнулась у меня на спине. Чудовищный удар сотряс всё моё тело.

Я вонзил меч в днище этой пасти и оттолкнулся, отчаянно рванувшись назад.

Пасть приоткрылась и снова ударила, поведя в сторону. Меня собирались пережёвывать.

Доспех не выдержал, кожаные пластины на животе лопнули, наплечник смялся и разошёлся по шву; плащ промок и разорвался. Я же не чувствовал никакой боли.

Рёв, грохот и всё такое, конечно, мешали. Я перехватил меч лезвием вверх и вонзил в нёбо. Потом рванулся и выбрался из пасти. Что я успел увидеть, кроме ржавого железного мусора – так это кости и маленькие, бледные веточки, выросшие внутри дупла и похожие на руки. Никакой, даже завалящей красавицы, готовой меня отвергнуть. Только я и деревянная тварь.

– Притворяешься, скотина, – выдохнул я и тут же получил хлёсткий удар ветками в лицо. Кто-нибудь другой и глаз лишился бы.

– Скотина, – повторял я, обрубая ветви, норовящие ударить по голове; изловчившись, второй рукой я достал склянку и запустил ее в дупло, сдавив перед этим в кулаке. Косая насечка на стекле лопнула, склянка разбилась, и бесцветная жидкость, резко посинев, вспыхнула и расплескалась огнём по всей пасти.

Должен же я был захватить пару на всякий случай.

Древо заорало, теперь без слов, и исторгло из себя горящую ветошь, кости и железо. Интересное железо. Нагрудник, например, с чибисом, гербом Агапа. И истлевшую, но целую ещё суму.

И нечто, что я схватил мгновенно, не пожалев двух секунд, хотя древо уже пылало, как хороший факел. И орало не переставая. Не знаю, что оно такое было, но, схватив ту штуку на простой цепочке, я побежал оттуда так быстро, как не бегал ещё никогда.

Вот только лес загорелся на славу, не обращая никакого внимания на снег у себя на ветвях. Огненная стена шла за мной, и я начал ломиться наискосок, желая скорее достичь старой дороги.

В любом случае, я продвинулся уже дальше, чем легендарный герой, который на деле оказался не так прочен, как я.

Я вырвался на дорогу. И когда лес кончился, а за спиной у меня, обдавая искрами и пеплом, воспылало гигантское пожарище, мой плащ ещё был относительно бел и почти нигде не прожжён.

Но ненадолго.

Я поднялся на острые камни по некоему подобию тропы, и, стоя у подножия мглистых скал, чувствуя ветер, толкающий меня в спину, настигнутый дымом и пеплом, я узрел Гварду наверху, в каменном гнезде. И, содрогнувшись, пошёл к нему, не доставая меча. Откуда-то с высоты, из-за клубов дыма, планировал ворон; за ним другой, и вроде бы ещё один. Устина? Или, может, уже божники? Такой фокус был бы в их стиле – если они нашли её убежище, то могли отправить по моему следу воронов, со словом, которое, конечно, подобрали для меня, глядя на следы наших приготовлений. Устина вряд ли попалась, она слишком хороша в своём деле. Но посланий я читать не буду, даже если они и от неё. Ибо я уже у цели.

Я надвинул капюшон пониже, пригнул голову и пошагал вперёд и вверх, где на условном краю мира открыл четыре огненных глаза Гварда Запада, страж древних и суровых Богов.

* * *

Конечно, он рад бы ещё раз ударить издалека пламенем, но запасы его в лёгких, или где там, истекли. С острой, шипастой морды, с загнутого крюка над пастью падают кипящие огненные капли, но это уже не то. Я подхожу ближе, на расстояние прямой схватки, и, наконец, Гварда, огромный, рукастый, цвета камня, сдвигается с места, и, как ящер, рвётся ко мне.

Я поднимаю меч, но надеюсь не на него. В левой руке у меня чистейший зелёный камень в стальной оправе, ключ Гварды, похищенный Агапом у божников. Я показываю ключ, зелёный и граненый, чудовищу, и оно припадает на лапы. Кладёт голову на зализанный пламенем, ещё горячий камень. В глазах его тоска. Во всех четырёх.

– Лежать, – говорю я, словно командую собаке. А что мне ещё говорить"? Я не знаю. Он лежит…

Вдали, чуть выше края скал, я вижу какой-то исполинский, далёкий силуэт – горный кряж или отдельный пик. Я поднимаюсь, чтобы выйти на край скалистой гряды, который со времён Богов зовут краем мира.

Кожа моя трескается всё сильнее, сыплется чешуйками, осколками. Камень падает на камень.

Человек бы тут не выдержал… И я бы давно сгинул, гораздо раньше даже, чем схватился с кадавром раганы. Если бы шёл в своём теле.

Но я, колдун Центра по рождению и обучению, хорошо научился создавать другие. Синяя глина, рыжая глина, белая глина, огонь, колдовские шестерни и свиток со словами, замурованный в крепкое нутро. И вот мой человеческий разум – в каменно-прочном, по-звериному гибком, неприхотливом, несокрушимом, безликом теле, которому не нужны ни отдых, ни еда. Моё же тело лежит, словно в забытьи, в надёжном доме, далеко и отсюда, и от нашего с Устиной убежищ.

Я поднимаюсь на самый гребень. Я, победитель.

Внезапно откуда-то сверху, с высоты облаков, падает ворон, перемахнувший-таки и выжженные территории, и скальный подъём. Падает мне почти в руки, заслоняя горизонт. Я узнаю его. Это точно ворон Устины, на лапке письмо, на нём – её печать, её почерк.

«Остановись и читай!»

Красными чернилами.

Не вовремя, ведь я уже вижу за дымом очертания неведомых гор.

Но я останавливаюсь, вскрываю письмо и читаю.

«Игнат, остановись! Божья книга права!

Мир есть диск, и за краем его живут твари. Я нашла это в книгах, которые мы украли.

Гварды сидят на краю мира, а люди никогда не должны показываться на нём. Так твари думают, что на нашем диске живут сплошь опасные чудовища, равные им.

А шар же – родной мир Богов, и ту книгу они принесли оттуда. То их шар, не наш. Наша – плоскость.

Беги оттуда. Ни за что не приближайся к краю. Сейчас Богов нет, и, стоит тварям из-за края узреть человека, как они не пощадят никого, как бывало в иные времена на других мирах.

Надеюсь, ты читаешь это, Игнат.

И да помогут нам Боги.

Устина».

Медленно я разжимаю пальцы, и письмо падает в бездну; ветер как раз унёс дым.

Я стою на срезе земли, на краю, и вижу слоистые пласты, уходящие в полную звёзд черноту. Вдалеке, в огромном далеке висит остров, похожий на гору, на пик, на летающую скалу; и с него на меня взирает тварь. Я не могу оценить её размер, но думаю почему-то, что Гварда рядом с ней покажется не крупнее пса.

Тварь вытягивает шею, встаёт на сложенные крылья. И я понимаю, что она заметила меня.

И что она не одна.

Ужас пронзает мою душу насквозь, и я понимаю, что я наделал.

Разглядела ли она меня? Узрела ли во мне человека? Боги, я не знаю. Но я поднимаю глиняную ладонь и мечом царапаю на ней слово, которое заставит моё тело рассыпаться и рухнуть. Я смотрю на то, что пишу, и, лишь только я завершаю последнюю черту, как приходит лёгкость, невесомость и полная темнота. Хватает меня невидимой лапой и разбивает на куски.

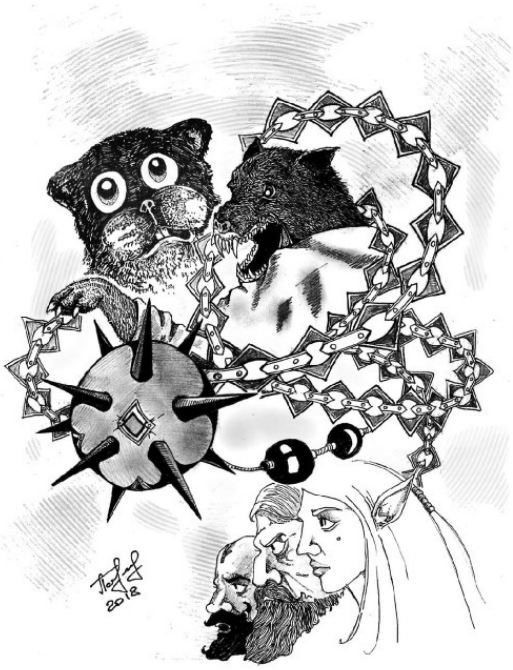
* * *

С диким криком на вдохе я очнулся в своём личном убежище, крупная дрожь била меня, когда я вскочил.

– Будь ты проклят!.. – выдохнул я, не забыв добавить своё имя. Из носа и уголков глаз шла кровь от резкого перемещения, но мне было всё равно.

Я думал об одном – как быстро очнётся Гварда на краю мира, если за нами придут твари. И как быстро он сможет начать их жечь.

2. Конь



Защитник, блуждающий Рыцарь. Символизирует использование как интеллектуального, так и духовного пути. Прыжок коня – интуитивный и плутовской ход. Конь подчиняется Марсу, мужскому началу.

Ничего, я тоже не подарок, —
У меня в запасе – ход конём.

Владимир Высоцкий

О шнырях и шеланях
Тёмная фигура Лариса Бортникова

Как сейчас помню, что, когда Хетко становилось одиноко, он начинал бузить! Когда Хетко начинал бузить, на селе били в пожарный колокол и – врассыпную. Можно было, конечно, предложить Хетко гномьих кровяных колбасок, студня из эльфьих ушек подсунуть корытце-другое, а толку? Ходил, бедолага, по улицам и вопил как резаный, а кого встретит – порвет на части и с костями сожрет! Так он ретивое успокаивал. Тётка Сумия, не та, что торгует шерстью в лавке на углу, а другая – из кроволюбов, говорила, мол, пара ему требуется. А где найти-то эту самую пару, когда Хетко из охотничьих шнырей один-одинёшенек остался. Все повывелись. Может, за Северным Хребтом и прятались ещё какие, а у нас в околоте только один Хетко шнырял туда-сюда.

Нет, не подумайте, он так зверь незлобивый, в большинстве своём травоядный, а вот, случалось… Дык, оно у всех случается. Иногда меня самого как прихватит этот «случАй» – такое творится! Шерсть отовсюду прёт, когти крюками заворачиваются, и зубищи лезут, аж дёсны кровят. Я тогда Рогнеде – жене своей, ору: «Тащи цепь, Рогнедка! Сейчас бузить начну!» Она баба бывалая, в момент все дела побоку, и в чулан. Привяжет меня к печке, водицы поставит перед мордой, а сама к тёще – «оборот» пережидать. У Рогнедки другой коленкор – русалит помаленьку. Порой ждёшь всю ночь, а она под утро прыг в кровать! Фу ты! Мокрая, плотвой воняет, залезешь ей между ног, а там одна чешуя зелёная – сразу всю охоту отбивает. А так красавица она у меня – Рогнеда, из первых переселенцев, как и я. За это нас на селе особливо уважают и даже побаиваются. Ну, и из-за Хетко раньше тоже опасались, ясен пень. Хетко – супружницы моей приданое, а кроме него, ещё три сундука всякого добра и драконка с упряжью. Хорошая драконка, расписная. Бывало, впряжешь в неё ящурку, крикнешь: «Охо, каурая!» – и на разгон, а там как полетел, как полетел… Красотища! Хетко пока щенком считался, в драконку запросто влезал, а подрос, пришлось бедолаге пеходралом шуровать. Мы с Рогнедкой меж облачков ныряем, песни поём, а шнырь внизу скользит лохматой тенью. Очень, я вам скажу, внушительный выезд получался! В гости, или там к бывшему Старосте околотошному только так и ездили, чтоб уважение питал.

* * *

А вообще-то я не об этом. Вернее, о Хетко, поскольку не будь его, ничего бы и не сталось, но не с того начал. А надо бы с другого. Вот так, к примеру.

У нас на селе, да и во всей околоте порядок завсегда крепкий держался. Народ наш весёлый, но не особо шальной. Убивства, разумеется, происходили, но только по делу. Либо обиду смыть, либо законный охотничий трофей взять. А охота – святое! Здесь своих-чужих нету. За неделю вывесишь на тын красный горшок, все знают – на охоту собрался. Кто послабее, за сельские ворота не выходи! А коли не трусишь – пожалуйста. Либо я тебя, либо ты меня. В топях или в лесу каждый – дичь! Так уж испокон веков завелось, по-иному не бывает. Если же не сельский по дороге попадётся, его беда. Нечего по чужим угодьям шастать, сам виноват. А уж пришлый! Хотя пришлые в околоту не совались, окромя чудоборцев.

С этой братией у нас завсегда разговор особый. У каждого накопилось. Я, к примеру, когда впервые чудоборца повстречал, ещё мальцом был. Тогда затаиться подвезло, а мамка с выводком не успела. Во второй раз чуть было не помер. К нам на хутор один забрёл – камня на камне не оставил. Батю, жён его, детушек… и тех не пожалел. Пожег всех белым пламенем. Я схитрил, в прихвостни подался. Набрехал, что желаю, мол, самолично от нечистой сути отка-

заться и прочую нелюдь гнобить. Пришлый надо мной руками помахал, меж бровей вонючей мазью потёр и в город с собой забрал. Вот так и выжил. Потом ещё года два с ним чудоборил, рясу себе справил кожаную, амулетов понавешал – оно с амулетами сподручнее. Словишь хоть лешака, хоть нявку, хоть семейство гангрелов степных, помашешь перед ними заговорёнными кулонами – те и замрут. А на эльфов-длинноухов с гномьём только сила нужна и злость, а этого во мне – с лихвой. Неплохое это занятие – чудоборство. С одной стороны, от пришлых спасение, с другой – вроде не просто на «пожрать» убиваешь, а из соображениев… Нравилось мне.

А однажды на берегинь с «моим» пошли. Плёвое дело! Тот в озерцо посохом ткнул – забурлила гладь. Берегиньки голые, вонючие, из кипятка наружу скачут, визжат, будто оглашенные, а мы их добиваем заговорёнными кольями. Пока я – одну, чудоборец – пяток. И что-то вдруг мне тошно стало! До этого всё – трын-трава, а тут – тошно! Отбежал под кустик, яичницу с салом наружу скинуть. Гляжу, а в камышовой поросли девчонка притаилась. Глазищи с блюдце, тина ко лбу прилипла. Трясется. Меня как оглушили! Развернулся я, хребтом выгнулся, завыл. В «оборот» пустился. Это под полную луну хоть не хоть «бузить» приходится, а в будний день – токмо от душевных мук и переживаний. Ох и прихватило меня то переживание! Чудоборку – хозяина своего – раскидал шматками по бережку, он даже «волчью звезду» супротив меня достать не успел. Девки обратно в озерцо поползли, а Рогнедку я (то Рогнедка была) взял за руку и повел в околоту. Указ тогда только-только вышел. Мол, пусть весь нелюдь соберётся и тихонько в околотах далёких сгинет, а там его трогать не будут, если нелюдь зла чинить не станет. Вот и ушли мы. Там остепенился, землянку отрыл, Рогнедкиной родни с приданым дождался. Зажили помаленьку. Рясу с амулетами Рогнедка во дворе зарыла – подальше от греха.

Чудоборцев долгонько в округе не видать было, а потом снова надоедать начали. То гномы посыльного пришлют, в пещерах встретился, мол. То Староста примчится, сход соберет, шепнёт про случайно забредшего в околоту чужого. Да не верил я никогда в такие вот случайности! Эх, опять сбился. Не о том речь.

* * *

После свадьбы нашей уже вёсен десять прошло, а то и поболее. Сидим мы с Рогнедкой как-то на крылечке, чай пьём. Чай вкусный, шишками отдаёт. Тут надо сказать, землянка наша точно рядом с лесом пряталась – крайняя на селе. Пьём, значит, и вдруг из чащи выходит дед. Дед как дед, только родом из последних пришлых, из человеков то есть. Этих вмиг распознать можно: зрачки страшные, круглые, а ногти на пальцах (тьфу ты, мерзость) розовые, будто шкурка дитёнка новорожденного. Подходит к нам, усами шевелит, улыбается. Потом присел на приступочку, с посоха былинку сдул. У посоха набалдашник огненным переливается, жаром пышет. Нас с Рогнедкой в момент трясун хватил. Надо бы бежать, да ноги онемели. Прижались мы друг к другу, сцепились пальцами от ужаса. Не простой дед – чудоборец!

– Не пустите переночевать, люди добрые? – глянул на меня, вроде и ласково, да только стужей от него пахнуло.

– Отчего же не пустить, – лепечу, а сам думаю, не иначе прознал про мои истории. Нехорошим в башке мелькнуло – может, Рогнедкой отделаюсь. А что? Нечисть ещё та! Мало того, что русалка, так к тому же и баба!

– Да ты не трепещи, волчок. Не за этим я пришел. И жёнку успокой.

Я ещё пуще испужался. Надо же, сразу распознал во мне звериное. Даже ноздрёй не повел, а понял.

– А что ж тебе надобно, мил человек? – спрашиваю, а сам на посох пялюсь. По переливу-то ясно – силы чудоборец немереной!

– Слухи ходят, хозяин, что охотник ты знатный…

– А что слухи, что слухи! – Рогнедка с крыльца скок, и руки в боки воткнула – не то ерепенится, не то плавники ладонями прикрывает. – Меньше верить надо! А если и охотник, так только по мелочи.

– Ты бы чайку-то плеснула, рыбка. Утомился я. Значит, «по мелочи»? А мне мелочь и надобна. Говорят, осталась у вас в Руцуловых топях шелань. Врут, поди, но проверить стоит. Проводник нужен.

– От ты хрень! – у меня от волнения подмышки вспотели. Псиной завоняло. – Неужто взаправду шелань?

Дед плечами пожал, посмотрел на меня хитро. Потом взгляд на сараюшку перевёл, где Хетко от солнца прятался.

– На рассвете пойдём. Высплюсь хорошенько, и тронемся.

Рогнедка ему во дворе постелила, сама к матушке бегом, а я остался. Заснуть не мог, думал.

Шелань (или, как её по старинке кличут – «желань») – зверушка не простая, самая что ни на есть волшебная зверушка. Кто словит её да приголубит, тому выполнит шелань хотение самое потаённое, самое долгожданное, то, что никому, даже бабе родной ночью выболтать боишься, а то и сам толком не ведаешь. Потаённое у каждого – одно. И тут уж твои разные думки или громкие слова сути не имеют. Чует хитрюга, что у тебя внутри искрой трепещет, и иного исполнить никак не может! Вот возжелай я, к примеру, стать царём эльфийским, и трезвонь о том на всех углах. Для шелани такое – раз плюнуть! Только не мое это, не взаправдашное. И никак не смог бы я на лесном троне сидеть. Или, скажем, старостой околотошным – тоже не смог бы, потому как внутрях стремления такого нет… Или Рогнедка, вон, по ночам хнычет – по дитю тоскует. Только какие дети-то у оборотня и русалки? А шелань всё бы вывернула, как мечтается. И стала бы жёнушка люльку качать и малышонка баюкать. Но не моё это великое желание, а Рогнедкино. И как бы жалостью я ни маялся, не вышло бы такого счастья.

Долго не спал, думал, что не ведаю, чего бы натворила зверушка-желанка, случись мне её поймать. Всего себя перерыл – переворошил, будто сена сноп, а не понял… Даже огорчился. Неужто всю жизнь впустую проваландался, ни искорки в душе не скопил. Потом, правда, успокоился – всё одно не владеть желанкой! Ведь чтоб махрютку пушистенькую поймать, сперва норку тайную вызнать требуется, а водится шелань в топях непроходимых, куда даже берегуны соваться не смеют. До места ещё добраться нужно, да по дороге злое творить никак не след – кровь унюхает, испугается зверёк. А брать шелань можно только на слово-приворот хитрое. Шкурка у шелани золотая, глаза зумрудные, ушки махонькие. К норке надобно подкрасться близёхонько, позвать ласково. И тогда выскочит она наружу, поведёт блестящим носиком и – прыг к хозяину в ладошки. Тут-то оно и свершится! Сбудется сердцем выпестованное! Всё может шелань, всё ей по силам. Кроха, но волшба ей дадена великая! Потом можно выпускать зверушку – чудесного толку от неё не остаётся, и на вид становится она точно мышь – неприметная, да вонючая.

А ещё сообразил я, что дед и про норку пронюхал, и словцо лелеет, и светлое желание своё уж наверняка знает. А что один не пошел, помощи просит, так то понятно. Как сам в топь-то полезет? Сгинет старик. Туда в одиночку даже я не ходок, хоть в человечьем, хоть в волчьем обличьи. А вот Хетко запросто! Не я чудоборцу надобен, а шнырь болотный, так-то.

* * *

Поутру раненько поднялся, ящурке корму задал, шныря проверил. Вышел во двор, а дед в бочонке с дождевой водой плещется – проснулся уже.

– Встал, волчок? – чудоборец посохом повертел, протер рукавом, залюбовался. На заре особливо чудно блестели искорки.

– Встал. Сейчас Хетко выведу. Чай, без него не пойдём?

– Не пойдём. Ты с собой покушать побольше возьми. Баловать по пути не дозволю.

– Ясно, – понурился я маленько. Понял, что охотиться чудоборец мне не даст, чтоб шелань не спугнуть ненароком.

– И не обессудь, но коль худое удумаешь, живым не оставлю.

Кивнул я. Его правда – шелань шеланью, а жизнь подороже ценится. Оставит чудоборец Рогнедку вдовой, развернётся и домой пошагает, а через год снова вернётся как ни в чём не бывало. Встречал я эту братию. Нелюдь для них – что мошкара лесная.

– И еще, волчок, – дед ко лбу ладонь козырьком приставил, прищурился, на опушку глянул, – с другом я. Так его, как меня, уважать и слушать станешь. Ну, чего медлишь? Пора!

Не полюбилось мне сказанное, и верно – только мы втроем на тропу выбрались, унюхал я чудоборова дружка, вздыбил загривком. Хетко тоже волноваться начал от знакомого запаха. А уж когда из травы навстречу длинноух выскочил, чуть не позабыл я стариковы наставления. С трудом удержался и шныря приструнил. Длинноух Хетко с ног до головы оглядел, присвистнул. На меня не покосился даже, только ладонью махнул. До самого заката молча шли. Впереди я с Хетко, за мной дед, а эльф чуть поодаль. На ночь под кедром разложились. Хетко в клубок свернулся, я по привычке к нему прижался – теплее так, а дед посохом пошуровал, костерок развел и прилёг рядышком. Длинноух исчез, но не далеко – я его всей кожей чуял.

– А ты молодец, чудобор, не выдохся, – это я правду сказал. За мной из наших сельских мало кто поспешает, а тут пришлый.

– Привычное дело, – дед в костерок дунул, тот ещё пуще затрещал. – Подходи, волчок. Звать-то тебя хоть как?

– Грэшем кличут, – соврал я, – а ты кто будешь?

– Воле я, Седой Воле, а друга моего Иэль зовут.

Вот это штука! Если не брешет старик, длинноух из самых первых, да ещё и самка. Сколько ж ему, тьфу ты… ей вёсен-то будет? Я глаза прикрыл, дремлю вроде, а сам прикидываю: в одну буквицу имечко – точно из первых! Тля белоглазая! Из-за них все невзгоды на наши головы и порушились! Заявились неведомо откуда, вытравили нас с родной земелюшки. Заставили побросать тёплые норы, похватать детушек, в холодные пещеры переселиться. Сколько лесух да кикимор от ядовитых стрел погибло! А кроволюбов сколько? Уже вслед за длинноухами гномье племя прибыло. Те уживчивые, хитрые. Со всеми договориться сумели. С нашими околотами торговлю сладили, эльфов тёплыми плащами да серебряными наконечниками для стрел приручили, человечкам камушки бестолковые из гор наковыряли. На гномов-землероев горькой обиды вроде и нету, да только чужие они. Но хуже белоглазых не было и нет народа! И правильно, что человеки передавили их всех! А кого не успели ещё, те – на нашей совести!

Хетко заскулил, видно, лесная вошь в ухо попала, пришлось подняться…

– Не спишь, Грэшем? – чудобор серым пеньком скрючился у огня.

– Заснёшь тут с вами, – не хотел я грубо, но уж так вышло.

– Не любишь ты нас, а?

– А за что любить-то, за то, что в околоты согнали и за нечисть держите? – и что меня пропёрло? Видать, с голодухи – за весь день только вяленой рыбы кусок сжевал. – Если мы на вас не похожи, чай не значит, что…

– Истину говоришь – любить не за что, – перебил дед, – да и мы вас не жалуем. Мешаемся друг другу – не можем землю одну поделить. А вот хотел бы ты, Грэшем, жить как прежде? Чтоб без чужих, чтоб свободно… Чтоб по дедовскому охотничьему закону, а? Ведь так у вас принято?

– Кто ж не хочет, – присел я на корточки, на стариковскую бороду уставился. Понять пытался, чего мудрит-то.

– Вот, вот… И я о том же мечтаю, и Иэль… И Хейрем.

– А это ещё кто? – удивился я.

– Завтра увидишь, у Руцуловой горы ждать нас будет, – дед в рясу, словно в одеяло, закутался и захрапел. Посох, правда, в руке цепко держал. Опасался.

* * *

Хейрем, краснолицый, узкоглазый, соскочил с круглого камня и, перебирая толстенькими ножками, потрусил к нам. То, что неведомый Хейрем самое что ни на есть обыкновенное гномьё, я ещё вчера сообразил, пока ворочался да над чудоборовыми словами размышлял. Только никак не сообразовывалось в башке, что ж они всем гуртом за шеланью-то направились. Спросить не решался, не проводниково это дело – с вопросами лезть. К беседе прислушивался, разобрать пытался. Да где там! Гном попался болтливый, за один день всю свою жизнь расписать сумел: как родился, как женился, как деток рожал. К полудню меня уже зевота умаяла, эльф посерел с тоски, а дед ничего – слушал, улыбался. Дорога попервой хорошая была, утоптанная. Потом тропкой обернулась, а там уж через чащобу продираться пришлось. Хетко впереди ломился, а мы за ним по ободранному сушняку хрустели. Путь мне был неведомый, но по приметам да по ветерку слабенькому, тиной припахивающему, шли прямиком куда следует. Помыслилось было: «А не завести ли в непролазную глушь чужаков, а там бросить, не жалеючи, на верную гибель». Но тут же и передумалось. И ведь уж не столько чудоборца страшился, сколько любопытство заело. Уж больно хотелось узнать, что за зверёк такой – «шелань», и зачем это Седой Воле – пришлый чудоборец – такую толпу собрал. К болотам уже в сумерках подобрались.

– Спать тут будем. Хетко, лежать! – я котомку на землю скинул, сел на травку, вздохнул. Красотища-то какая! Облака котятами белыми балуются, за красной ленточкой зари угнаться норовят. Лес шумит, ветерком плещет, крошит на поляну жёлтой листвой. Обернулся, а длинноух к ясеню жмется, ладонями кору трогает, лопочет по-своему. Я ему мешать не стал, смекнул, что лечит он деревце. Умеют они это, надо признать. Чудобор с Хейремом в сторонке стояли, шептались о чём-то. Я уши навострил, но понять не понял – уж больно тихо.

– Долго еще? – глаза белые, голос шуршит, и мясом пахнет.

Меня передернуло, но сдержался. Сказал спокойно, даже усмехнуться получилось, не скалясь.

– Думаю, к обеду в самую топь проберёмся, а там Хетко пущу. За шнырём след в след ступать надо, а то затянет.

– Хороший шнырь, умный, – это уже дед с гномом подтянулись.

– Угу, редкий зверь. Не осталось почти.

– Горных хисталей тоже нет, а чудные были твари. Шелань, опять же, попереводилась вся, – гном башкой мотал, сокрушался, – драконы плодиться не хотят, скоро и их по пальцам пересчитать можно будет.

– Так раньше, когда вами тут ещё и не пахло, всякого навалом было. И шарушки двухвостые, и хмеры ядовитые… А гривастые свиксы такого страху нагоняли. Вы и не застали, поди? – подколол я. Мол, не запамятуйте, кто здесь самого древнего роду будет, кого эта земля первого встретила и кому родной стала.

– Да… Чудесен наш мир, леп безмерно, – чудоборец растянулся рядом с Хетко, запустил пальцы в его шерсть. Тот не фыркнул даже, зажмурился, – только чересчур разный народ в нём обитает, чтоб сумело одно солнце всех принять и согреть.

– Пока вас не было, нам хватало, – разозлился я.

– А всё оттого, – глазом не моргнул чудоборец, – что законы у нас непохожие. Вот скажи, к примеру, Хейрем, какой у гномов главный Закон.

– Семья да ремесло, – выкрикнул гном, – а здесь никакого покоя. С женой на ярмарку выехать боишься, не то нечисть зацапает, не то эльф пристрелит, не то людь ограбит. А что, и скажу: плохо нам, неуютно. Вот.

– А ты Иэль, ну? – дед взглядом успокоил раскрасневшегося землероя, тронул ладонью расшитый эльфийский плащ.

– Свобода, любовь, красота, – прошептал (или прошептала – их разве разберешь?) Иэль, – без чужих.

– А у нас – охота. Вечный закон – побеждает сильный. Так мы живём, – прорычал я, влезая без приглашения, – и никто нас за это не судил и судить не смеет!

– Видите? У каждого – своя правда. И у всех – похожая ненависть друг к другу и мечта похожая – жить по своему завету, как до нас жили наши прадеды, как должны жить наши внуки.

– Продолжай, чудоборец, – Иэль пристально, не мигая, уставилась на старика.

– Я к тому, что потаённое у каждого из нас одно, а то и нету его ещё в помине, или неясное оно, неокрепшее, бестолковое. Вот, скажем, вдруг Хейрем больше всего мечтает в душе птицей стать, а Грэшем старостой околотошным…

– Да не хочу я старостой, ни к чему это мне, – перебил я.

– Наверное, не хочешь. Это я хотел разъяснить, что порой мы сами не ведаем, что за тайный огонёк в душах у нас пылает. А вот нелюбовь наша взаимная – огромная, живая, хоть в руки бери, словно зверушку дивную – шелань, что может только раз исполнить самое важное. И если соединить искры нашей ненависти в единое, такое пламя разгорится, что огонечку и не чета вовсе. А слову приворотному я вас научу. Простенькое оно совсем.

Тут-то я и понял, куда дед клонит. Нет, не хотел чудоборец нам добра и не меньше, а то и пуще меня длинноухов да землероев не терпел, а уж что про моё племя думал, по лицу его я сразу приметил. Только не доверял своей людской сути – боялся, что желание глупое пересилит мечту великую – мечту о своей земле… Вот зачем собрал он нас – разных, злобой дышащих… Если мы все вместе шелань позовём, то исполнит то, что нам вчетвером одинаково хочется. «Одна ненависть и одно желание»… Не знаю и знать не хочу, чего дед другим наплёл, чем заманил, напугал чем, да только первый раз за всю жизнь признал я за пришлым первенство и захотел ему в ноги поклониться.

– Я маленько тугодум, мне потяжелее, чем вам, будет, – Хейрем на камушек присел, ладошки к щекам приложил, а между пальцев слёзы заблестели. Эльф головой согласно мотнул, засмеялся. Я до этого эльфьего смеха и не слыхивал. Красиво, оказывается, будто галька речная пересыпается по дну озерца.

– А ты что скажешь, оборотень? Или не с нами?

Горло у меня вроде как сцепило, только глазами моргал сильно-сильно, чтобы поняли.

* * *

Если бы не топь непролазная, прямо в ночь бы и помчались, попетляли по кочкам. Слово дед нам сказал, не соврал – совсем лёгкое оказалось. Я уж потом дивился, Рогнедке расписывал, что ведь ни капли не помыслил для себя утаить. Мог ведь уйти ночью и Хетко забрать, а не ушёл. Потому что стало это желание для нас всех будто костёр – жгучий и яростный. А чуть рассвет занялся, уже все на ногах были. Я шныря с цепи спустил. «Искать, Хетко! Шелань!» – крикнул. Тот и рванул по болоту. По дороге пару кикиморок спугнули – Хетко не остановился даже. Понял, что не просто так охотимся – за мечтой спешим. Хороший зверь – болотный шнырь, и друг хороший – всё понимает, всё чувствует. Бежал впереди, а за ним и мы неслись как угорелые. Следы у Хетко огромные, заметные. Где ступит, туда спокойно вставать можно. Гному, правда, тяжело пришлось. У Хетко шаг, сами понимаете – десять гномьих. Пришлось землероя на закорках тащить. А остальные ничего – приноровились прыгать. За

чудобора побаивался я – ан зря: он на посох, словно на костыль, опирался и бойчее прочих ногами перебирал. В самую глубь забрались, я уже сомневаться начал, да и Хетко шеланей в жизни не нюхал… И вдруг замер Хетко, задышал тяжело, ноздрями задвигал.

– Сидеть, – кричу, – сидеть!

– Неужто нашел? – землерой мне из-за спины орёт. Я его подхватил за ноги покрепче и к шнырю. Подбежал, уставился под лапищи шныриные, а там… Мамочки!!! Сидит под жиденьким кустиком такая рыженькая, ростом с Рогнедкину ладошку, носик махонький, ушек не видать совсем, а глазищи напуганные и зеленью из них расчудесной сверкает. А хвостика-то и нету. Нету у шеланей хвостика.

– Она, что ли? – выдохнул тихо, но так, чтобы гном услышал.

– Почём знаю, – отвечает, а у самого сердце стучит так, что я аж рёбрами чую.

Пока на зверушку дивились, эльф подоспел, за локоть чудоборца поддерживает. Выдохся всё ж таки старик. Я на него обернулся, гляжу – что-то не так. Оказывается, упал дед наш и посох свой прямо в трясину уронил. Утопла чудоборова сила. Посторонились мы, пропустили старика. Тот руками всплеснул.

Заискрились круглые зрачки, узнал дед волшебную зверушку – шелань. Долго чудобор рыженькой любовался, а потом примостился на корточки и к нам повернулся, мол, пора… Я Хейрема на землю поставил, к длинноуху плечом притиснулся. Сопка небольшая попалась, места едва хватало, но ничего – уместились. Ладонь к ладони прижали невиданным ковшом. Сцепились мои лохматые пальцы, белая с синеватыми жилками рука Иэль, мозолистые кулачки гнома-землероя и вся в морщинах дедова сухая ладонь. Слово приворотное медленно, в один голос прошептали – коротенькое оно. В жизни мне так жутко не было, как в тот миг, словно душу собственную в клыках сдавил сильно-сильно, а потом замелькало, закружило всё вокруг… и остановилось.

Я глаза раскрыл тихонечко и обмер! Как стояли вчетвером, так и стоим, только бледные все очень, а болото, сопки, кусточки чахлые да небо синее ничуть не поменялись. И ветер всё так же тиной пахнет.

– И что же? – эльф первым очухался. – Что?

– Не знаю, – дед руками развел, улыбнулся, а у самого на щеках мокро, – не знаю. Видно, всё – ложь. И никаких шеланей нет и в помине, а есть только мыши рыжие – болотные. Или слово не верное, или… Не знаю…

– А зверёк-то где? – Хейрем озирался.

– И правда, где зверёк? И это, Хетко куда девался? – у меня голова гудела, да ещё, как я ни выворачивался, как носом ни водил, шныря своего найти не мог. Исчез шнырь, будто и вовсе не было. И шелань с ним исчезла.

– Убежать не мог? Спрятаться? – в голосе эльфа сквозило сочувствие.

– Куда бежать-то? Где ты тут хоть деревце видишь? Сплошная зелёная гладь да трясина.

– Кхе, кхе, кхе… Шнырь, говорите? Кхе, кхе, кхе… – Седой Воле хохотал, схватившись руками за бороду. Я испугался, что старик от горя обезумел, потряс его за плечи.

– Дед, а дед, ты вставай давай. Нам ещё обратно пилить. Хорошо бы к закату управиться.

– Шелань-то взаправду волшебная тварь. Чудо расчудесное, а мы не поняли…

– То есть? – длинноух меня от старика оттащил, – Объясни, чудобор!

– Значит, кто поймает шелань да приручит, тому и – удача, верно? Значит, как раньше жить мечтали, как по закону, верно? Кхе, кхе, кхе… Чтобы чужих не было…

– Ну, не томи, – я злиться начал, не на деда – нет, на свою тупоголовость.

– Грэшем, друг мой, кто зверушку поймал?

– Ну, мы поймали. Хетко загнал, а мы… Хетко?!

– Шнырь?! – в один голос завопили эльф с гномом.

– Он самый!

– А слово, слово-то… Да и о чём животина мечтать-то может?

– Мечтать? Думаю, о том же, о чем и мы все – о свободе! И к чему ему слово. Шнырь да шелань – одного рода-племени твари. Вот ты, волчок, намекал, будто первыми вы на эту землю ступили, будто твои родичи ею по праву владеть могут?

– Ну…

– А про сутей древних позабыл? Драконы, хистали, свиксы твои гривастые, шныри те же да шелани рыжие испокон веков здесь водились. Из полей, лесов кто их согнал да повывел?

– Ну, – почесал я шею, – так вроде ж – зверьё. Как иначе-то?

– Мы тоже об оборотнях так думаем… Думали, – прошептала Иэль.

– Без пришлых, значит… В этом мире мы все, выходит – пришлые. Без разницы кто. А истинные хозяева… Больше нас о земле своей печалились. Вот и исполнили шнырь да шелань заветную мечту. Увели свой род от чужих, и сами ушли.

– Кормил Хетко, кормил, блох вычёсывал, а он… – огорчился я.

– Про прошлое своё позабыл, однако, Корр? Не ему одному свобода и дедовский закон дороже миски с похлёбкой.

Вздрогнул я, когда дед меня по имени назвал. Знал, получается. Всё время знал.

– И что же теперь? – Хейрем никак не мог сообразить, что произошло.

– Обратно пойдём, – я подхватил его и привычно уже пристроил у себя на спине. – Держись крепче и не пужайся, сейчас «оборачиваться» стану. Иначе пути не найдём, шныря-то нет больше.

– Обопрись, старик, – Иэль чудобору плечо подставила, усмехнулась. – А ведь они могли не уходить, могли нас вон вышвырнуть… Странно.

* * *

Как добрались, рассказывать не стану. Ну его! Дохромали потихонечку. Воле у меня в землянке ещё долго отлёживался. По вечерам говорили мы помногу. Обо всём: о жизни, о законе, о вражде, о ненависти и любви, о прощении и мудрости. Иэль заглядывала, приносила травки разные, шепталась о чем-то с Рогнедкой. Рогнедка ходила вся красная, загадочная. Потом уж, когда забрюхатела, призналась, что пила особый настой и мне в еду пыли разной подсыпала. Хейрем с семейством приезжал, забрал драконку (к чему она, коли ящурки не стало) и смастерил из неё люльку, всю камушками усыпанную. А когда на сходе меня в старосты околотошные прочить начали, сказал я нашим про мысль, что мне покоя не давала. Сказал, что раз уж жить нам с длинноухами, землероями да человеками плечом к плечу, то надо бы…

А Хетко… Что Хетко? Поди, нашёл себе на новых землях подружку и не бузит больше.

Волк, Всадник и Цветок
Светлая фигура Алексей Провоторов

Снова наступал вечер, и Волк С Тысячею Морд опять нагонял меня.

Я уже слышал этот топот, от которого дрожала трава и умолкали смущённые птицы. Он мчался за мною, перепрыгивая реки и прошивая стрелою леса.

Я решил не гнать Коня, чтобы Волк С Тысячею Морд догнал меня засветло.

В долине меж зелёных холмов, именуемой Эллен-трэй, он меня и настиг.

Он забежал наперёд, и мы остановились.

– Стой, тебе не проехать дальше! – заявил он, ссаживая со спины Фолма и Макхама. У Макхама развязалась шнуровка на сапоге, и он в ней запутался. Я удивлялся, как он поутру находит край у кровати, чтобы с неё встать. Я сказал ему об этом, и он окрысился, показывая длинные и тонкие, как иглы, зубы. Их я уже видел раньше.

– Перестань, в конце концов, смеяться над моими людьми! – оскорбился Волк С Тысячею Морд. – Ты, между прочим, ничем не лучше их, да к тому же воришка! – Где ты здесь заметил людей? – спросил я, озираясь по сторонам. Голубые и розовые мотыльки порхали над травами, не решаясь сесть на дрожащие ещё стебли. – Отдай мне моё! – рявкнул он и бросился вперёд. Но стальная бабочка, что я выпустил из руки, села ему на нос и укусила его ядовитой иглою. Он умер в прыжке, и, когда рухнул на траву, она запылала под его телом.

– Ну вот, опять он умер, – сказал я Фолму и Макхаму. Они не осмелились заступить мне путь, и я погнал Коня дальше, зная, что у меня снова появилось время, теперь уже до полуночи.

«Сие Волк С Тысячею Морд, – сказано в книге, – и число ему – тысяча».

Я поправил цепь, которую мне так и не пришлось размотать, и дальше гнал Коня на пределе.

Кругом были зелёные холмы, только над головой – алое закатное небо. Мой светлый конь тоже казался красным, а узоры на его шкуре, днём тёмносиние, теперь выглядели угольными рисунками.

– Потерпи, Конь, – сказал я ему. – Когда мы доберёмся до Поля Вод, я дам тебе отдохнуть.

Я звал его просто Конём, ибо его создатель не озаботился такой мелочью, как дать ему имя, а никто другой сделать это был не вправе; даже я.

Мы скакали уже сутки, с того времени, как я выжулил у Волка С Тысячею Морд его сокровище. Он не сразу бросился в погоню, а то мне было бы не уйти. Два раза он уже догнал нас, на рассвете и в час зенита. Первый раз он был очень удивлён, когда стальная змея, что я выпустил из мешка, скользнула к нему в траве и убила его. Волк С Тысячею Морд двигался куда быстрее моего Коня, но это здорово задержало его. Во второй раз я отделался от него, выпустив стальную мышь, которую, правда, Фолм чуть не разрубил мечом. Вот теперь это повторилось снова, и до полуночи я мог его не ждать.

Мы летели во весь опор, ноги коня слились в сверкающие полосы; первые звёзды на небе, как обычно, сложились в знакомое имя; потом взошла луна, и в ее свете Конь снова обрёл свои настоящие цвета: серебристо-белый с тёмно-синими спиралями узоров. Луна же в эту ночь была огромной и странной; видно, где-то неподалёку творилось колдовство.

Мы проехали земли Тарамиска, Нижней Дельвии и Поймута. Дельвийские эльфы, нервничая, с криками бросались прочь от моего коня, горстями выскакивая из-под копыт. Большой чёрный ворон какое-то время летел за нами, выкрикивая всякие слова; белые цветы в заводях Поймута провожали нас, поворачивая вслед пышные соцветия; у Левой горы Вечный Повешенный приветливо помахал нам рукой из своей петли; я улыбнулся и помахал ему в ответ, когда мы пролетали мимо.

Постепенно луна поднималась всё выше, и странные знаки наконец исчезли с неё, так что стало светлее. Полночь застала нас в безмолвных лесах Кератаса. На широкой лесной дороге, откуда ветер вымел все палые листья, я снова услыхал поступь Волка С Тысячею Морд. На этот раз я не придерживал Коня, пытаясь выиграть время.

Он догнал меня быстро, пролетел мимо – его халат развевался на ветру – и развернулся мордой ко мне так резво, что его даже занесло. Мой Конь встал на дыбы. Я на всякий случай ослабил обмотанную вокруг руки цепь, а вторую руку запустил в мешок, откуда ранее извлёк змею, мышь и бабочку. Честно говоря, на мешок у меня было больше надежды, чем на цепь.

Волк С Тысячею Морд остановился, и Фолм с Макхамом спрыгнули на землю. Они явно были злы. Фолм вытащил меч, лезвие которого появлялось, лишь когда он держал его в руках; так он носил на поясе лишь рукоять. Макхам, доигравшийся в своё время с магией до того, что начал терять человеческий облик, хотел произнести какое-то заклинание, но, по обыкновению, прикусил язык. Ума не приложу, зачем Волк С Тысячею Морд его с собой таскает.

– Ты не уйдёшь далеко, даже если у тебя в запасе есть ещё фокусы, – хрипло сказал Волк С Тысячею Морд. – Я уже разослал почтовых птиц; тебя задержат. Впереди по дороге много кто должен мне за проигрыш в карты!

– Недоумки, которые умудрились проиграть даже тебе, вряд ли сообразят, с какого краю сесть на лошадь, – сказал я. Нарочно, конечно – Волк С Тысячею Морд был отличным игроком. Но я-то, можно сказать, у него выиграл.

Волк С Тысячею Морд какое-то время стоял молча. Сейчас у него была одна башка, только морды постоянно менялись, словно на болванку волчьей головы проецировали «волшебным фонарём» лики разных волков.

Потом он сказал:

– Ты ведь выиграл у меня нечестно. Ты жульничал.

– Но ведь ты тоже жульничал! – отвечал я, тихонько шаря в мешке.

– Но ты жульничал ПО-ДРУГОМУ! У тебя была ДРУГАЯ тактика! – Волк С Тысячею Морд побелел от возмущения. Он орал и брызгал слюной:

– Кто тебе не давал жульничать в том же ключе, что и я?! Я бы и слова не сказал! Это было бы ЧЕСТНО!!! А ты сделал НЕЧЕСТНО!!!

Я вытащил руку из мешка, и стальная птица с клювом, полным яда, порхнула к нему.

Фолм взмахнул своим громадным палашом и припечатал мою птицу к земле. Пружинки и шестерёнки рассыпались в ядовитой лужице.

Волк С Тысячею Морд замолчал и посмотрел на птицу, приподняв переднюю лапу. Какое-то время он стоял так, а потом нахмурил лоб и поинтересовался:

– А кто делает все эти штучки, скажи на милость?

Я с досадой отмахнулся:

– Кузнец Логин из Тембло. Он ковал их специально под мой заказ.

Я мог назвать имя кузнеца, абсолютно не беспокоясь о его безопасности. Я знал, что Волк С Тысячею Морд никогда зря не подставит свою жизнь под удар.

И впрямь, он отошёл от птицы и задумчиво промолвил:

– Спасибо, что сказал. Буду обходить десятой дорогой двор кузнеца Логина, если меня занесёт в это чёртово Тембло. Взять его, ребята.

Фолм и Макхам рванулись вперёд, и я взмахнул своей боевой цепью. Фолм перекатился через лопатки, а Макхам, как обычно, замешкался. И шипованный шар на конце моей цепи раздробил ему голову.

Фолм замахнулся мечом, но я стегнул цепью ещё раз, и её кончик, обвившись вокруг рукояти, вырвал оружие из его рук. Клинок моментально исчез, рукоять я отбросил в сторону. Через секунду Фолм погиб. Моя цепь скована таким образом, что каждое следующее звено более плоское и более острое, чем предыдущее, так что на конце это уже хлыст из отточенных

лезвий. Ещё на конец цепи надевается железный шар, чтобы удар был тяжелее. Его можно снять, но сегодня я этого не сделал.

Волк С Тысячею Морд зарычал. В отличие от него, у его людей не было никакой форы на убийства, и теперь они умерли насовсем.

Он прыгнул, низко, стелясь над землёй, и полоснул Коня по ногам. Конь взвился свечой, одна из спиралей в узоре закрутилась туже, а раны на ногах мгновенно затянулись. Существует поверье, что мой Конь падёт лишь тогда, когда узоры сплошным ковром скроют его шкуру; до тех же пор он неуязвим, и каждый шрам лишь добавляет богатства рисунку.

Мы кружили по поляне, и я едва успевал отбиваться цепью. Волк С Тысячею Морд был куда крепче своих ныне мёртвых помощников, и мы дрались всерьёз. Затем мне повезло, и цепь, обмотавшись вокруг его шеи, перерезала горло. Он упал, и палые листья вокруг сразу же запылали. Я подхватил цепь, и мы полетели во весь опор дальше, получив передышку до утра. Я оглянулся лишь раз. Волк С Тысячею Морд пылал, и горели листья вокруг него, чтобы он вскоре вышел возрождённым из собственного погребального костра.

Когда мы играли в карты у него в саду, я проиграл ему довольно много раз. Мы играли на форы, и в конце первого этапа у него оказалось куда больше фор на смерть от моей руки, чем у меня – от его. Но что поделать; серия проигрышей была частью моего плана, необходимой, чтобы выманить его на большую игру.

Потом, когда он поставил на кон своё сокровище, я сжульничал, используя иную технику, чем он, и выиграл. Он ничего не заметил поначалу, будучи расстроен проигрышем. Знаете, грыз землю, катался на спине и всё такое. Я не дал ему опомниться, подхватил выигрыш и был таков.

Потом, видимо, придя в себя, он что-то заподозрил, начал вспоминать партию и понял, что я его обманул. Он в самом деле и слова бы мне не сказал, надуй я его тем же способом, каким он всё время пытался надуть меня. Мой же поступок он посчитал за оскорбление и взвился в погоню.

Теперь я убегал от него, стараясь как можно скорее добраться до дому. Пока мне везло, и при таких делах он мог догонять меня не чаще четырёх раз в сутки. Но фокусы в мешке у меня кончились, а цепь, хоть и серьёзное оружие, против Волка С Тысячею Морд была слабовата. Да к тому же, если бы он убил меня, ему не надо было никуда скакать. Он мог спокойно дожидаться моего воскрешения, греясь у костра, чтобы попытать счастья снова. А меня от роковой черты отделяло куда меньшее количество смертей, чем его.

Поэтому мы с Конём старались покрыть до утра как можно большее расстояние. Мы покинули Кератас, проскочили Навейский мост, кощунственное строение из рёбер дракона; спугнули стаю светящихся птиц у какого-то болота, пересекли вброд реку Дилак, разгоняя некрасивых разжиревших сирен с крашеными волосами, и наконец выбрались на широкую дорогу, что вела в Зелёную Аламейду, где во всех семьях рождалось лишь по одному ребёнку. Страж-У-Ворот, отупевший от трёхсот лет охранной работы без отдыха, даже не заметил нас; призраки в оставшихся слева Зелёных Башнях дули в призрачные трубы, пытаясь привлечь внимание, но никто, конечно, их не слышал. В общем-то, всё шло как обычно в этих краях.

Мы продолжали скачку, надеясь затемно покинуть Зелёную Аламейду, ибо у Волка С Тысячею Морд могли быть здесь союзники. Джуд фон Плейн, хозяин здешнего края, был любитель поиграть в карты.

Но по всему было видно, что мы не успеем. Нас пытались остановить бродяги, чтобы продать ворованных коней. Нас пытались остановить какие-то девушки в коротких одеждах. Нас пытались остановить вежливые молодые люди, чтобы спросить время и денег на дорогу до дома.

Мы, конечно, не остановились, но времени потеряли довольно. Ночь складывалась не в нашу пользу, и меня одолевали нехорошие предчувствия.

В конце концов взошло солнце, и Волк С Тысячею Морд догнал меня снова. Он хотел вышибить меня из седла, но я пригнулся как мог низко, и он пролетел у меня над головой. Потом он остановился и развернулся, и мы тоже остановились.

– Нет, ты всё-таки негодяй, – сказал Волк С Тысячею Морд, тяжело дыша. – Какой чёрт дёрнул тебя убивать Макхама?

– Но ты же не стал бы мешать им убивать меня? – поинтересовался я, делая ударение на последнем слове. Волк С Тысячею Морд (теперь у него было десятка два голов, морды на которых всё время менялись) помолчал, поскрёб лапой бок под шёлковым халатом, а затем заявил, что я сам виноват.

– Но послушай, – ответил я, – как можно обвинять меня в нечестном выигрыше, если любой посторонний наблюдатель вообще не засчитал бы нашу игру! Во имя Чётных и Нечётных Богов! Мы ведь мухлевали оба!

– Я! Уже! Объяснял! – заорал Волк С Тысячею Морд, подпрыгнув на месте. – Ты мошенник, и сам это знаешь!

Я не стал спорить. Я и впрямь отлично знал, что смошенничал не по правилам, но, чёрт возьми, ведь выигрыш того стоил! Ни у кого больше не было такого чудесного сокровища, как то, что я вёз за спиною, в хрустальном футляре и кожаном чехле. Я представил, как привезу его домой, и довольная улыбка появилась на моём в общем-то непримечательном лице.

Вот только Волк С Тысячею Морд готов был убить меня за это сокровище, и я вовсе не был уверен, что он ограничится первым убийством и ускачет восвояси с отобранным богатством. К тому же ему вряд ли захочется лезть в костёр. Он отлично знал, что огонь футляру не повредит.

– Отдай мне его, и мы расстанемся. Я даже это тебе верну – пришлю с птицей, – он показал мне короткую нитку синих бус, три из которых треснули и помутнели. Форы.

Честно говоря, на моей нити бусин было только две. Я редко выигрывал, вплоть до финала.

Я накрутил на палец прядь своих светлых волос. Пора было помыть голову. Да и подстричься не мешало – волосы отросли почти до пояса, и я напоминал какого-то дурачка из героических сказок.

– Нет, – сказал я. – Мне он нужнее, чем тебе.

И распустил цепь.

– Ах ты гадёныш! – возмутился Волк С Тысячею Морд и выпрямился на задних лапах. – Слезай с лошади! Будем драться на земле!

Я скептически вздохнул и спрыгнул с Коня. Шар с цепи я снимать не стал.

Волк С Тысячею Морд скользнул ко мне, нырнул под взвившуюся цепь и угодил мне лапой в челюсть. Я перехватил его вторую лапу, а левой нанёс апперкот.

Удар был хорош, жаль только, попал в пасть. Я еле успел выдернуть руку – ободрал, конечно – и пнул сапогом его в живот.

– Вот подлец, – пробормотал он, складываясь пополам. Я был слабее его, но в кулачном бою на двух ногах он был не силён. Он сманил меня с коня только затем, чтобы я не мог толком орудовать цепью.

Я отскочил назад и намотал цепь на руку, так что под низом были обычные звенья, а верхним слоем уже шли заточенные. Шар противовесом болтался у локтя.

Волк С Тысячею Морд снова бросился ко мне, метя когтями под рёбра, но я уклонился и с разворота ударил защищённой рукой в ухо. В какое именно из сорока, я не обратил внимания. Главное, он покачнулся, и хоть и ткнул меня сжатой лапой под дых, но несильно. Я врезал ему в центральную морду и пнул в лодыжку носком сапога. Потом отскочил и приспустил цепь. Дюймовые комары накручивали спирали вокруг нас, на лету ловя брызги крови.

Волк С Тысячею Морд остервенело помотал головами и прыгнул – на четвереньках, как зверь.

Это был сигнал к окончанию честной драки, и я в момент размотал цепь, орудуя ею, как хлыстом. Минуты две он гонял меня по поляне, вокруг восьмёрками скакал мой Конь, так что было весело. Потом я запнулся и упал.

Волк С Тысячею Морд вонзил когти мне в грудь, а потом, несмотря на мои попытки задушить его цепью (я не продвинулся дальше поиска подходящей шеи), полоснул меня лапой поперёк горла и отскочил.

Последнее, что я увидел сквозь пелену собственной горящей крови, это Волка С Тысячею Морд, пытавшегося тяпнуть моего Коня за ногу.

…Я пришёл в себя посреди кучи горячего пепла. Солнце уже давно взошло и светило мне прямо в глаза. Я лежал на спине, и футляр неудобно врезался в тело даже сквозь одежду и кожаный мешок.

Я приподнялся на локтях, морщась, и огляделся.

Конь пасся неподалёку, докуда не достало спалившее траву пламя; Волк С Тысячею Морд сидел на границе сожжённого круга, зажав передние лапы между коленями.

– Привет, привет, – кивнул он. – Поднимайся, мне нужно то, что у тебя за спиной, – он поднялся, почёсывая лапой нос.

– Блохи? – поинтересовался я, вынимая из-за пазухи нитку с форами. Всё тело болело, от пепла и солнца резало глаза. Щурясь, я осмотрел бусы. Один из вишнёвых стеклянных шариков лопнул почти пополам и затуманился некрасивым сизым оттенком. Я вздохнул и спрятал их обратно.

Волк С Тысячею Морд подошёл и поставил лапу мне на грудь. Сил не было никаких.

– Ты же отлично знаешь, – сказал он, – что это не смешно. У меня не больше блох, чем у тебя.

Я издевательски почесал в затылке, потом поскрёб в боку. Он вздохнул, закатив глаза к небу. У него пока была одна голова.

– Перевернись-ка, я заберу футляр, – сказал он, убирая лапу.

Я сел посреди пожарища, опираясь на руки. Вся кожа щемила, все кости ныли. Я начинал сочувствовать Волку С Тысячею Морд.

– Подожди, сейчас отдам, – сказал я. – Не лезь своими лапами.

Я встал на ноги, ещё шатаясь, хоть силы быстро возвращались ко мне. Стянул со спины длинный кожаный чехол на ремне; распустил завязки.

– Держи, зараза, – пробурчал я, вынимая футляр.

– Нет, почему это я зараза?! – возмутился он. Вместо ответа я стукнул его футляром в висок, прямо углом, а потом подхватил свою цепь и накинул ему на шею.

Я хотел его задушить, но цепь была острая, и я случайно перепилил ему горло. Из раны вырвалось пламя, и тело Волка С Тысячею Морд запылало.

Мой посмертный костёр выжег всю траву, и Волк С Тысячею Морд горел в гордом одиночестве. Я подозвал Коня, засунул футляр с выигрышем на прежнее место, и мы поскакали дальше.

Ближе к полудню рослый рыцарь в белых доспехах заступил нам дорогу. Я остановил Коня, потому что дорога за спиной рыцаря была перегорожена раз пять хорошей шипованной цепью.

– Эй, слезай, слезай! – крикнул он мне. – Именем Джуда фон Плейна, Властителя Аламейды, стой!

– Джуд, хватит дурачиться, – укорил я его. – Ну что за манера давить авторитетом? Кроме того, ты хозяин только Зелёной Аламейды, а не всей.

Джуд фон Плейн смутился.

– Ну так, это… В долг чести моему товарищу, Волку С Тысячею Морд, я останавливаю тебя и велю в счет платы за проезд отдать то, что ты выиграл у вышеозначенного господина в карты!

– Хватит ходить вокруг да около, – сказал я. – Я выиграл, например, пару фор на убийство. Одна осталась. Нужна? – я посмотрел на него, и не думая слезать с Коня.

И чёрт меня подери, если он не задумался на секунду.

Потом до него дошло положение, и он довольно осклабился.

– Поскольку я волен забрать весь выигрыш, то и фору в том числе, – объяснил он скорее себе, чем мне. – Но не забудь о главном – о том, что в хрустале у тебя за спиною!

– Джуд, как тебе не стыдно, – сказал я, – проигрался в карты и обираешь честных людей. Я же тебе заплатил в тот раз, за проезд в обе стороны. А если тебе ещё чего-то надо, подойди и возьми, если можешь.

Джуд потоптался на месте, глядя на распущенную цепь. Она покачивалась, как маятник, длинная, из серебристо-зелёного металла с железным шаром на конце. Когда-то Логин выковал её из позвоночника Злого Змея, которого я убил на Поле Вод. Она утончалась к концу, где была отлично заточена. К ней не приставала кровь.

– Хорошее у тебя оружие, – сказал он. – Как называется?

– Сейчас оно называется Убийца Фолма Иногда Меченосца, – ответил я. – И если ты будешь продолжать задуманное, то оно может сменить имя на Убийцу Джуда фон Плейна.

Джуд цокнул языком.

– Так Фолм Иногда Меченосец мёртв?

– Да. И Макхам тоже. Пропусти меня, и у цепи пока останется прежнее имя.

Джуд покачал головой. В нём было футов семь росту; на нём были его знаменитые перфорированные доспехи. Удар меча они держали отлично, а сквозная перфорация обеспечивала мобильность и вентиляцию. От любой же стрелы они, как известно, были заговорены. У пояса висел его меч. Он ничего особенного собой не являл.

– Не грозись, – сказал он, – мы с тобой силой пока не мерились.

Я убрал шар с цепи.

– Джуд, – сказал я, – если мне повезёт, я смогу снять тебе голову одним взмахом руки. Ты слишком близко стоишь. Подумай, хочется ли тебе погибать из-за глупого долга? Я ведь не отдам тебе ничего. Не затем я был убит на рассвете на твоей земле, чтобы позволить этому произойти ещё раз.

Джуд какое-то время смотрел мне прямо в глаза, затем отвёл взгляд.

– Тогда мне снимет голову Волк С Тысячею Морд, – сказал он. – Что я скажу ему?

– Скажи, что я победил тебя, – ответил я. – Он тебя не тронет. Ты ведь и впрямь хорошо меня задержал. Я не думаю, что ты хочешь быть убийцей либо жертвой, но тебе достанется одна из этих ролей, если мы начнём драку.

– Он мне не поверит, – сказал Джуд.

– Давай я хлестну цепью тебе по доспехам, – предложил я. – Останется след.

Он молчал где-то с минуту, а затем кивнул головой.

…Когда мы понеслись дальше, я ещё какое-то время слышал звон снова натягиваемых им цепей, которые он снимал, чтобы пропустить меня.

«А сие Джуд, повелевающий Зелёною Аламей-дою, – сказано в книге. – Телом он могуч, а духом в сомненьях. Числом же он один».

Мы теперь ехали по землям Розовой Аламейды, где всегда родилось множество близнецов. Волка С Тысячею Морд следовало ждать к зениту – хоть я убил его позже, чем встало солнце, но Джуд задержал меня.

Конь скакал всё так же быстро, как и сутки назад, но я знал, что даже он рано или поздно устанет. Хотя он отдохнул, пока я горел, и это было неплохо, ибо я боялся, что он не продержится до Поля Вод. Теперь была ещё надежда на Глухую Ночь. А пока альбиносы-вороны выделывали спирали в небе над нами, сопровождая нас до границы, а чёрные лебеди скалили на нас свои зубы из грязных болот. Мы оставили справа Розовые Башни, где призраки всё так же, как всегда, били в призрачные барабаны, тщетно пытаясь отвадить любопытных; но как всегда, их осаждали толпы, собравшиеся посмотреть на диво – привидений, что не исчезали при свете дня. В общем, всё было так, как и должно быть в этих землях в это время года.

Мы достигли Мостика Ведьм. Как всегда, ведьмы-близняшки, Джессика и Эшли, с горящими запавшими глазами и грязными белыми волосами, похожими на паклю (потому что, ручаюсь, они белили их магией), стояли у моста в надежде содрать с проезжающих денег. Жадность состарила их прежде времени.

– Эй, стой, всадник, а не то заколдую! – крикнула Эшли. Я их неплохо различал по блеску зрачков.

– Сёстры, протрите ваши запавшие глаза! – прикрикнул я на них. – Я же прежде заплатил вам за проезд в обе стороны!

Джессика досадливо мотнула головой, и я въехал на мост.

– Задержите лучше Волка С Тысячею Морд, – попросил я. – Он будет грызться из-за каждой лишней копейки.

Сказав это, я свистнул коню, и мы поспешили убраться, пока ведьмы не передумали. Этот мост принадлежал им и был построен на заклинаниях. Стоило сёстрам хором произнести ключевое слово, и он обрушится. Так же по заклинанию они могли и восстановить его обратно.

«Сие ведьмы, одинаковые лицом и равные по сестринству, – сказано в книге. – Они завистливы и жадны, как и все в этих землях. Число же им – двое».

Незадолго до зенита меня снова остановили. Это были хозяева Розовой Аламейды, близнецы с противными именами Иональд и Джональд Офзеленды.

– Стоять! Всем стоять! Коню стоять! – закричал Иональд Офзеленд, указывая на широкую яму, дно которой было утыкано кольями. Яму вырыли недавно. Она была велика и занимала всю дорогу.

Я остановил Коня.

– Чего вам надо от меня, Офзеленды? Сёстры пропустили меня. Что ж вы не задержали меня там? Или те, кто живёт на ваших землях, вам уже не подчиняются?

– Слезай с коня и отдай долг, – заявил Джональд, мрачный и небритый. На гербе у них был изображён вепрь на зелёном фоне.

– Ступай своей свинье под хвост, – ответствовал я, разматывая цепь. – Я не должен тебе ничего, ибо за пересечение твоих земель заплатил в двойном размере. В тот раз, когда ехал здесь несколько дней назад. Ты забыл?

– Ты должен Волку С Тысячею Морд, значит, должен мне, – Джональд обнажил меч. Это был несуразно огромных размеров палаш, которым можно было перерубить пополам коня. Иональд был вооружен подобным же образом. Меч Джональда назывался Джоксель, а у его брата, соответственно, Иоксель.

– Это ты должен Волку С Тысячею Морд, – ответил я ему. – Он сейчас будет здесь. Убейте его, и вы никому не будете должны.

Я был всё ещё зол на него за то, что он разодрал мне горло утром. Кроме того, я сказал это, чтобы разозлить Джональда и перейти наконец к активным действиям, потому что я не хотел терять время.

Я не думал, что они согласятся.

Как раз в сию же минуту показался Волк С Тысячею Морд; в один прыжок достигнув нас, он остановился, тяжело дыша.

– Ну, ребята, спасибо за помощь, – прохрипел он, пуская слюни. Он уже явно устал.

– Отдавай футляр, – сказал он мне, протягивая лапу.

– То, что в футляре, принадлежит нам, – сказал Иональд, упреждающе опустив палаш между мной и Волком С Тысячею Морд. – Мы с братом так решили. Я думаю, это справедливая плата за вторжение сразу стольких личностей в наши земли.

Волк С Тысячею Морд какое-то время молчал.

– Хватайте его, пока вы в силе, – сказал он потом, – и я всё прощу.

Глаза его сузились.

Иональд колебался какую-то секунду. Потом поднял палаш и опустил его на Волка С Тысячею Морд.

Тот взвился вихрем, вынырнув из-под удара; тяжёлая лапа раскровенила Иональду лоб. Джональд бросился справа и рассёк Волку С Тысячею Морд бедро. Тот обернулся и с разворота сорвал Джональду голову; меч Иональда, как гильотина, опустился ему на спину и разрубил позвоночник.

Волк С Тысячею Морд рухнул. Его пасть сжалась на стальном сапоге Иональда, и он рванул его на себя, а когда тот запнулся и упал, слепо озираясь залитыми кровью глазами, Волк С Тысячею Морд в отчаянном рывке подтянулся на передних лапах и вцепился Иональду в горло.

Через секунду всё было кончено. Я спрыгнул с Коня и подошёл к тому, кто так долго преследовал меня, что уже успел стать привычным.

– Я умираю, – сказал он. – Насовсем. И они тоже. Мы никогда не играли на форы. – Тут его взгляд затуманился, глаза из жёлтых стали розовыми. Изо рта текла тёмная кровь. – Но и ты не пройдёшь дальше. На закате ты будешь у Делты, и Красные Девы не дадут тебе пройти.

Он закрыл глаза.

Я хотел сказать ему, что, если он умрёт, мне не нужно будет больше спешить, и я смогу переждать опасный закатный час. Но я ничего не сказал. Я молча взмахнул цепью, проклиная себя за мягкотелость, и добил его.

Потом сел в седло и поехал дальше, сначала медленно, по кромке над ямой, а потом всё быстрее и быстрее. У меня было время до заката.

За моей спиной пылали волчье тело и придорожная трава, да ещё волосы убитых Офзелендов. О них в книге не сказано уже ничего.

Номинально Волка С Тысячею Морд опять убил я, и это значило, что вскоре он снова оживёт и бросится за мной в погоню. Это обещало мне проблемы, но я не хотел, чтобы Волк С Тысячею Морд умирал так, как это устроили хозяева Розовой Аламейды.

Мы покинули её, когда солнце было на полпути к закату.

Красная и оранжевая трава на полях пестрела серебряными цветами, и серебряные же рыбы пели из прозрачных ручьёв. Голоса у некоторых были хриплые – наверное, от холодной воды. Дриады из ближних рощ звали всякого проезжего расчесать им волосы, но далеко не каждый соглашался на эту нудную работу, хотя платили дриады всегда наличными.

У озера с белой водой я встретил монаха в чёрных одеждах. Он сидел на мостках и болтал ногами.

– Подай денежку на храм, благородный путник! – попросил он, вежливо улыбаясь.

– А чей храм? – спросил я, придерживая Коня.

– Азгарота, Хтонического Ужаса, – ответил монах, показывая мне кулончик с пентаграммкой.

– А, – сказал я, развязывая кошелёк, – тогда держи.

Я дал ему тяжёлую золотую монету, и мы поехали дальше, благословляемые добрым монахом.

Время летело, дорога стлалась Коню под копыта, и мы непрестанно приближались к Делте, в недобрый закатный час.

В любое другое время здешние места были абсолютно безопасны, но на закате тут появлялись Красные Девы и не пропускали никого, пока тот не отдавал им всё до нитки. А если кто думал сопротивляться, то из их черепов потом делали шары для игры в кегли, склеивая воедино самые округлые их части.

Я надеялся миновать их земли прежде, чем Волк С Тысячею Морд догонит меня. Они ведь были способны задержать и его тоже.

И, как он и предсказывал перед прошлой смертью, я въехал в их земли как раз на закате.

Сам Волк С Тысячею Морд догнал меня минутой позже.

– Отдавай Цветок и сматываем назад, – запыхавшись, проговорил он. – Утром поедешь домой.

– Нет, – ответил я, – я тебе его не дам.

Волк С Тысячею Морд оскалился и приготовился сшибить меня с Коня.

– Подожди; – взмолился я, – давай отложим это на потом. Прислушайся, они уже идут!

Поросшие травой холмы задрожали, и Красные Девы, именуемые также Рыжими Девками, все на конях, высыпали из-за холмов и окружили нас плотным кольцом. Их было очень много.

Все они были рыжеволосые, кареглазые, в красных штанах и безрукавках; ногти у всех были покрашены в красный цвет, а губы накрашены ярко-алым. Кони у всех были тоже рыжей масти. В руках они держали сабли оттенка меди, и в свете заката клинки тоже казались алыми.

Мы стали спиной к спине, вернее, Волк С Тысячею Морд стал спиной к заду Коня. Я не собирался ничего им отдавать, и он, ясное дело, тоже.

Вперёд выехала главная Девка, именуемая Матильдой.

– Отдавайте всё, – сказала она, – и езжайте в любую сторону.

– Ни за что, – сказал я.

– Никогда, – прорычал Волк С Тысячею Морд.

– Тогда вы умрёте, – сказала Матильда, подняв руку.

– Уже случалось, – сказал я и расчехлил футляр.

Правду говорили об этом Цветке, будто любая девушка застывает на месте, поражённая его красотой. Красные Девы, увидевшие его, изумлённо ахнули и прижали руки к сердцу, опустив оружие. Я тронул Коня шагом вперёд, и они начали расступаться передо мной.

Но Девы за моей спиной, Цветка не разглядевшие, угрожающе рванулись на нас. И тогда Волк С Тысячею Морд на мгновение явил все свои лики, ужасной тысячеголовой тенью нависнув над толпою, и две тысячи глаз обожгли каждого, кто видел его в то мгновение. И Девы шарахнулись назад, охваченные страхом.

Так, ужасом и красотой очистив путь, мы рванулись напролом, но минутное замешательство прошло, и девы, зажмурив глаза, со свистом ринулись на нас в атаку. Саблями они управлялись и вслепую.

Я был ближе к спасению, чем Волк С Тысячею Морд, ибо стоял впереди него по ходу движения; и я прорвался. Десяток сабель ударил Коня в грудь, но раны зажили в мгновение, только узор на шкуре пустил новые ветви; и мы вылетели на дорогу. Конь стрелой пустился вперёд, и последнее, что я видел в неверных изломах хрусталя, это отражение того, как Волк С Тысячею Морд, теперь о двух десятках голов, пачками раскидывает Красных Дев, мешающих друг другу в толпе, прорываясь на свободу. Я верил, что у него получится.

«Сие Красные Девы, – сказано в книге, – и их кони и люди червонны. Числа же им несть».

Солнце село, и вместе с темнотой на землю стала опускаться давящая тишина. Птицы засыпали прямо у Коня под копытами, у меня начали слипаться глаза. Я заметил, что Конь тоже подволакивает ноги.

Наступала шестая ночь недели, и, как обычно, это была Глухая Ночь. В такую ночь ни человек, ни зверь, ни нелюдь не может ничего, кроме как спать до самого утра. Бороться невозможно, и нет такой магии, чтобы преодолеть эту силу природы. Звёзды и луна никогда не светят в такую ночь, и блуждающие огоньки, а также светящиеся растения и существа теряют свою силу. Огонь не горит такими ночами.

Поэтому мы дотащились до ближайшего придорожного дуба, и я упал на землю, сунув под голову кулак. Конь повалился рядом на траву, и мы заснули.

…Утром мы пришли в себя поздно; солнце уже встало, и птицы просыпались в дорожной пыли. Всё тело ломило, голова соображала плохо, в руках не было силы, как и всегда, когда ночуешь в Глухую Ночь вне дома.

Седлая Коня, я подумал о том, как там Волк С Тысячею Морд. Если он пробился сквозь армию Красных Дев, то, наверное, заснул, израненный, где-то неподалёку от Делты и не скоро ещё мог догнать меня.

Цветок в хрустале я снова повесил за спину, упрятав в кожу. Он пока ещё мог обойтись без воды, но мне не терпелось привезти его домой.

В кронах зелёных дубов пересвистывались невидимые птицы (иногда они стайкой перелетали с дерева на дерево, но их и тогда не было видно – лишь дрожало марево в воздухе да слышался шум крыльев). Становилось жарко, яркие ажурные цветы красовались в сочной траве; бабочки с девичьими портретами на крыльях порхали слева направо; солнце затягивали сизоватые облака; пахло сладко и дурманяще.

Близилось Поле Вод, почти родное; близился и полдень.

В полдень, на дороге среди луга, я повстречал всадника.

– Эй, остановись-ка на минуту! – попросил он, поднимая руку.

Это был рослый молодой детина в сверкающих хромом доспехах, с благородным цинизмом на чистом лице; при нём был белоснежный клинок длины непомерной.

– Здравствуй, рыцарь, – сказал я, останавливая Коня, – и прости, что тороплю тебя, но я спешу. Что за дело у тебя ко мне?

– Здравствуй и ты, – ответил он. – Моё имя Хлодвиг, и я ищу дракона, чтобы сразиться с ним! Не знаешь ли ты драконов в здешних местах?

– Штырь тебе в забрало, Хлодвиг! – морщась, воскликнул я. – Ты что, драконобоец?

– Я драконобоец от прадеда! – гордо отвечал Хлодвиг. – Это семейное дело.

– Так небось и твои предки приложили руку к Навейскому мосту? – спросил я.

– Мой дед лично пожертвовал восемь рёбер из своих запасов на его постройку, – ответил он мне, подбоченясь. Малый явно гордился своим дедом.

– Интересно, что бы сказал твой дед, вздумай кто-нибудь соорудить что бы то ни было из его костей? – поинтересовался я хмуро. Драконов я любил.

– Но такой у меня бизнес! – Хлодвиг развёл руками, показывая, что и он драконов режет не из ненависти.

– Да ну его, такой бизнес, – сказал я. – Говорят, до тридцати доживает один из девяти драконобойцев?

– Меньше, – сказал он. – Драконы перестали нас бояться. Злые они пошли какие-то. Намедни Тинкельвиндля, коллегу, оранжевый дракон из Гедда опозорил на всю округу. Стянул с него латные штаны и отхлестал хвостом по полной программе, а потом отпустил. Представляешь?

Я представил жёсткий и шиповатый тяжеленный драконий хвост и поёжился.

– А доспехи зачем такие блестящие? – спросил я, щурясь.

– А это чтоб дракон вообще заметил, с кем ему надо драться. Мелкие мы в их глазах, понимаешь? – вздохнул Хлодвиг, глядя в горизонт. – Так не знаешь, нет тут драконов в округе?

Я пожал плечами.

– Нет вроде. Был Злой Змей на Поле Вод тут неподалёку, так его я убил. Вот видишь, цепь из него сделал, – я показал Хлодвигу цепь.

Он разглядывал её какое-то время.

– Хорошая, – сказал он, помолчав. – Ну ладно, поеду искать дракона. А то мне уже за замок нечем платить в этом месяце.

– Слушай, а ты не мог бы на другое магическое существо поохотиться? – спросил я его.

– Например? – осведомился он.

– Например, на Волка С Тысячею Морд?

– Исключено, – Хлодвиг вздохнул. – Я ему в том году проиграл фору на убийство, и, боюсь, это поставит нас в неравные условия.

– У меня как раз есть одна, – сказал я, доставая её из-за пазухи. – Хочешь, подарю?

Он заинтересованно вскинул бровь.

– Если задержишь его на часок-другой, я пришлю тебе пару сотен серебром, только скажи адрес.

– Хорошо, – согласился Хлодвиг, – подожду его здесь. Мимо не проедет, он меня знает. А гонорар отошлёшь в Риэрдин, леди Рент. Я у неё замок снимаю.

– По рукам, – ответил я, и мы, скрепив сделку, разъехались.

Солнце достигло зенита и перевалило на западную половину неба. Наконец мы выехали к родному Полю Вод, и я дал Коню напиться, а сам умылся тёплой прозрачной водой. Я не ел уже несколько дней, и голова кружилась, но я не мог не залюбоваться голубой гладью воды под прядями тумана, что раскинулась от лесов слева до зарослей справа. Потом я снова сел на Коня, и мы шагом поехали по неглубокой, по колено, воде. Вокруг цвели кувшинки и лотосы, а серебряные змеи с мохнатыми гривами сопровождали нас, ныряя и выныривая, прошивая воду стежками. Кругом росли огромные кораллы, белые, красные и жёлтые, а иногда красные с зелёным или синие с жёлтым. Дальние дождевые леса скрывал влажный туман.

Мне оставалось проехать миль десять до границы моих владений. Поле Вод осталось позади, и вокруг теперь были невысокие холмы, поросшие травой и ягодами, и обычные деревья – клёны, ясени и бузина.

Я уже не спешил. Видно, Хлодвиг сдержал обещание и задержал Волка С Тысячею Морд. Я очень хотел поскорее оказаться дома, но я уже так устал от бешеной скачки, и Конь мой тоже устал.

Я вёз домой Самый Красивый Цветок, единственный в мире. Он стоил того, чтобы за него умереть, и я уже сделал это один раз, а Волк С Тысячею Морд – и не один. Цветок был невыносимо прекрасен, он был идеален. Он был главным сокровищем Волка С Тысячею Морд, пока я не обманул его в карты. Многие думали, что моим главным сокровищем является Конь, но это было не так. Моё главное сокровище всегда было дома.

Когда уже наметились сумерки, я услышал его позади.

До моих владений оставалось всего ничего, и мы припустили по дороге во всю прыть. Конь, отдохнувший и напившийся воды с Поля Вод, летел как стрела, тоже чуя близость дома. Позади гремел Волк С Тысячею Морд, прошивая воздух, который с рёвом закручивался в вихрь за его хвостом.

Он летел быстрее птицы, но он находился вдали от своей земли, был множество раз лишён жизни, участвовал в полудесятке драк и просто устал.

Какое-то время я видел его – даже теперь он плавно, но неумолимо догонял нас – а потом он рванулся вперёд в отчаянном броске, на мгновение слившись в сияющую полосу.

Но секундой раньше мы успели.

Конь легко и непринуждённо замедлил бег, пошёл по кругу и остановился. Я сполз на родную землю и рухнул на траву у дороги. Только теперь я понял, как же я устал.

Волк С Тысячею Морд лежал недалеко, шагах в десяти от меня, по ту сторону пограничного столба, и тяжело дышал.

– Это нечестно, – спустя какое-то время прохрипел он. – Это нечестно. Пригласи меня.

Я поднял голову и рассмеялся.

– Ну, я же пригласил тебя в свои владения, – обиженно сказал он.

Я покачал головой.

– Нет, Волк, – на своей земле я имел силу не именовать его полным титулом, чего не мог за её пределами; – я тебя никогда не приглашу. Можешь бегать взад и вперёд по транзитной дороге, сколько хочешь. Она прорезает мои земли западнее, и все имеют право ездить по ней, не ступая на обочину.

Волк устало отмахнулся лапой. Рваный и грязный халат на нём, бывший когда-то золотым, оказывается, был расшит серебряными розочками – я только сейчас заметил.

– Ладно, чего уж там. Посадишь его в тени, и поливай почаще. Рядом можешь зажечь свечу.

– Так ты признаёшь проигрыш? – спросил я, перевернувшись на живот.

– Ну ты же его довёз, – Волк почесал лапой под рёбрами. – А я ещё один выращу; лет через десять. Покажешь мне его ещё раз, перед тем как уйти?

– Конечно.

Я подумал о всей нашей гонке. Второй раз я бы такого не хотел.

– Слушай, а сколько ты заплатил Сестричкам? – спросил я его.

Он усмехнулся:

– Я просто перепрыгнул их дурацкую речку.

Я засмеялся.

– Ладно; а что ты сделал с Хлодвигом?

– С кем? – Волк нахмурил лоб, явно не понимая, о чём я.

– Ну, с драконобойцем. Такой верзила в латах, что поджидал тебя недалеко от Поля Вод.

– А, этот Хлодвиг? Вот не думал, что ты его знаешь! – удивился Волк С Тысячею Морд. – Так его там не было. Я видел его последний раз в прошлом году.

Я помолчал.

– А что, ты его нанял, что ли? – спросил Волк.

– Угу. У него теперь та фора на убийство, что у меня оставалась. Ну, твоя, в смысле.

Волк снова усмехнулся.

– Встречу его – верну на исходные позиции.

– У него клинок метра полтора, – предупредил я.

– Засуну ему в какое-нибудь естественное отверстие, – пообещал Волк, улыбаясь.

Я поднялся на ноги. Солнце уходило в дымку, и начинало вечереть.

– Смотри, – сказал я, снимая с хрусталя чехол. Самый Красивый Цветок засиял мягким светом. Волк С Тысячею Морд какое-то время смотрел на него, потом вздохнул и опустил голову.

– Передавай привет, – сказал он, поднялся на четыре лапы, и, попрощавшись, ускакал.

Мы с Конём остались одни. Отсюда до дома было ещё миль десять. Я снова сел в седло, и мы поехали домой.

Пели соловьи в тёмной листве, где-то шумел ручей, полевые колокольчики цвели у обочин. Дорога по родной земле, без спешки и драк, была просто наслаждением. Я улыбался.

Я подъехал к моему двухэтажному дому, когда уже начало темнеть. Я не знал, спит ли Эми или уже проснулась. Когда я уезжал, она спала, заснув, может быть, на неделю. Это иногда с ней бывало.

Она встретила меня, стоя в дверях и улыбаясь. Моя Эми.

– Привет, милый! – сказала она мне. – Я проснулась, а тебя не было. Я тебя ждала.

«Сие Всадник, – сказано в книге обо мне. – Он счастлив, ибо его всегда ждут дома. Числа же ему безразличны».

– Привет, любимая, – сказал я. – Кажется, я нашёл, что поставить в ту терракотовую вазу у лестницы.

– Правда? Как хорошо! А я уж собиралась её убрать!

Я наконец слез на землю, и мы поцеловались.

– Посмотри, – сказал я, снимая чехол с футляра с цветком. – Правда, красиво?

– Ой, – сказала Эми своим бархатным голосом, – милый, это же, наверное, самый красивый цветок в мире!

– Угадала, – сказал я, беря её за руку. Я оглянулся. Конь уже ушёл на свой любимый луг за левым крылом дома, чтобы отдыхать и валяться по траве. – Потом посадим его в саду. А пока пускай постоит в доме. Только налей в вазу воды и зажги рядом свечу.

– Я тебя люблю! – сказала она, и мы вошли в дом. И прежде чем задвинуть дубовый засов на шершавой деревянной двери, сквозь прозрачный витраж я увидел, как первые звёзды на сиреневом небе, как и всегда, складываются в её имя.

3. Офицер

Олицетворяет духовную власть, позитивный интеллектуальный путь и благочестивый путь духовный. Офицер, Слон, или Епископ, подчиняется Юпитеру, повелителю эмоций.

Только хороший слон достоин жертвы,
плохого слона можно и проиграть.
Юрий Разуваев

Мы рождены
Тёмная фигура Лариса Бортникова

– Петька! Щемаешь, сука? Вставай! Сталин нагнулся! С концами! Вставай, Петька! Или хочешь, не вставай! Всем нам всё равно кабздец! И Берзикяна нашего убили и выкрали!!!

Онофриенко вопил чуть громче обычного. Но не это меня насторожило. Из-за работающего прямо за стенкой дизеля мы тут иначе как ором и не разговариваем. Командирский КАПШ – каркасная арктическая палатка Шапошникова – примыкает прямо к генераторной, чего, в общем-то, делать не стоит. Зато от дизеля, выведенного радиатором прямо в палатку, тепло. Поэтому выбор у нас простой – орать или мерзнуть. Вы бы что выбрали?

В общем, то, что майор орал, было нормой. Вот только выглядел он трезвым. Бескомпромиссно и абсолютно трезвым! Я на него пялился, ни шиша спросонья не соображая, и только думал, что у Онофриенко харя под ушанкой чего-то вытянулась по стойке смирно. Нос строгий, как у покойника. И уши в череп всосались.

– Петька, ёпть! Гурика Берзикяна… Хлопчика нашего убили! И Сталина расхерачили! Это всё негры!

– Товарищ майор, как можно Берзикяна убить, когда он и так уже неживой? – проорал я в ответ и тут же зевнул. Из тёпленького спальника в стужу вылезать не хотелось. – И почему негры? Они сюда не ходят же!

– А потому, Петька, что негры не ходят, но летают!!! А я, Петька, потерял бдительность, утаил от тебя некоторые важные сведения, и черножопые, воспользовавшись нашим с тобой преступным разгильдяйством, пересекли государственную границу Союза Советских Социалистических Республик! Убрали часового. И Сталина – того…

– Товарищ майор. Вы уверены? Вы это своими глазами видели? Вы только не тревожьтесь, пожалуйста, – я наконец-то проснулся. И осознал – Онофриенко таки докирялся до белочки. А ведь в особом отделе меня предупреждали, что у майора случается. Вот! Дождался! Случилось…

– Ёпть! Ты что, лейтенант? Намекаешь, что у меня белка, что ли?!

В таких ситуациях больному ничего определенного говорить не следует. Ни да. Ни нет. Но следует ласково кивать и ни в коем случае не делать резких движений. Колюще-режущие предметы спрятать, табельное оружие изъять. Вот это, про табельное оружие, конечно, интересный момент. Как у такого здорового говнюка, как Онофриенко, который к тому же мой командир, забрать тэтэшку? А вот хер знает как… Лаской, ёпть! И уговорами. Цыпа-цыпа-цыпа.

– Константин Саныч! Вы б с выводами не торопились. Отдохните, чайку попейте. А я сейчас, если не возражаете, скоренько оденусь и сбегаю погляжу, что там такое с зарядником. Может, рано нам ещё скорбеть! Может, ещё покоптим, а? Может, вы ошиблись, и рядовой Берзикян просто разрядился, а у Сталина форсунки засорились – гвоздиком маленечко поковырять, продуть, и оно зафурычит.

– Какие форрррррсуууунки, ёпть?! Гвоздиком жопу себе ковыряй, умник! Раз я сказал, что Сталину хана, значит, так и есть! Я его семь лет как облупленного! Каждый бздёж, каждый чих его за пятьсот метров различу!!! Уши прочисть, лейтенант! Молчит Сталин! Молчит, ёпть, как рыба об лед! Потому что скопытился! Ты кто такой, спрашиваю, чтобы сомневаться в командире? Фраер столичный – говно на лопате! – завёлся Онофриенко и орал все три минуты, пока я кой-как одевался, натирал рожу вазелином и искал по КАПШу ящик с инструментом. Однако стоило мне решительно шагнуть к тамбуру, как майор тут же посторонился, беспрепятственно пропуская меня наружу.

– Фонарик запасной возьми. И внимательнее, Петька! Тщательнее! Мож, и вправду форсунки. Может, и вправду белка.

Так я впервые почувствовал, что такое быть чьей-то последней надеждой. И целых десять секунд мною владела сладкая мысль, что всё в порядке. А то, что Онофриенко чертей или там негров летающих ловит, ну… Подлечится со временем, выправится. Здоровый же лоб. Однако, споткнувшись о что-то металлическое и тяжелое, я вдруг вспотел. И это несмотря на минус тридцать по Цельсию. Ёпть! Ёпть! Ёпть! Прямо возле сорванной дверцы кунга валялся берзикяновский ранец. Разъемы, те, которыми ранец крепится к спине бойца, слетели ко всем чертям, а из металлического кожуха торчали пучки проводов и трубок – ранец выдирали из солдата, что называется, с мясом. Разыскивать тело бойца я не стал – всё с Гуриком и так было ясно. Перепрыгнув через ранец, я рванул прямо к Сталину. Где-то с минуту теплилась надежда, что я сумею его завести и, может быть, даже успею найти и «воскресить» Берзикяна. Но чем пристальнее я всматривался в промасленное нутро зарядника, тем меньше во мне оставалось веры в наше светлое будущее. Онофриенко оказался прав – нагнулся наш Иосиф Виссарионович. С концами. И, похоже, не по собственному желанию.

Картина была настолько хрестоматийной, что хоть в «Справочник диверсанта» её вставляй. Злоумышленник снял часового, забрался в кунг, взломал регулятор оборотов, и дизель тут же пошел вразнос. Шатун, не выдержав нагрузки, оторвался от поршня, развернулся поперек, и его со всей дури вхерачило коленвалом в стенку. Ремонту Сталин не подлежал. В чугунной бочине блока зияла дырища размером с кулак и эдак кокетливо поблескивала острыми рваными краями. Я сидел на корточках перед мертвым Сталиным и подсвечивал его фонариком то справа, то слева.

Кабздец!

Прав майор – теперь всем нам кабздец. И, в общем, какая разница, пришли негры или прилетели. Какая разница, чья здесь вина – майора Онофриенко, который не просыхал последние три недели, отчего застава осталась целиком на мне… Или же это я облажался, положившись на старшину Непомирая, а сам решив наконец-то как следует отоспаться.

Кабздец – он и в Африке… Я рассмеялся, поняв вдруг, что про Африку – это я сейчас загнул. Где та Африка, а где мы! Но ведь кабздец же!

Теперь нас с майором полюбэ загонят под трибунал! А ребята… Ребята без Сталина и двух дней не протянут. Мозги у них без него отключатся – и кабздец. Это для меня с майором Сталин – здоровущая чугунная дура – триггерный зарядник, которым в ранцевые аккумуляторы бойцов можно натолкать электричества под завязку. А для ребяток наших Сталин – всё! Благодаря Сталину хлопцы ходят, дышат, живут. Благодаря ему они охраняют… точнее, охраняли до сегодняшнего утра северные рубежи нашей Родины. Службу бессрочную тащили под командованием двух разгильдяев – майора Онофриенко и лейтенанта Егорова. Который, на их беду, попал сюда тоже… из-за Сталина, только не триггерного, а настоящего. Того, что живее всех живых.

«Добрый день или вечер, сыночек мой Петенька».

Мама пишет письма каждую неделю. Сочиняет специально глупости, так, чтобы цензор из особого отдела перенаправлял их адресату сразу, не задумываясь о скрытых смыслах. Смешно. Да пиши она хоть о Фульхенсио Батиста, всё равно у неё выйдут глупости. Почерк у мамы некрасивый. Буквы неровные, трусливые. Много ошибок. Например, «передает» мама всегда пишет как «перидает». И это ни капли не смешит, но раздражает. «Папа перидает тебе привет». Мамина ложь во спасение не раздражает, но смешит.

Как будто я не догадываюсь, что пишет она втайне от отца. Если не успевает на почту до вечера, то прячет конверт в нижний ящик комода, тот самый, где хранит Майкино приданое. Отец, конечно, в курсе про тайник. Но молчит. И будет молчать до тех пор, пока не застанет маму за «преступлением». А застанет он её тогда, когда сочтёт своевременным. Когда отцу

зачем-нибудь потребуются её испуг, стыд, отчаянно прижатые к груди ладони и спотыкающиеся о его насмешливый взгляд оправдания. Театр кукол, мать вашу! И батя мой – Образцов хренов в новой папахе и штанах с лампасами.

У отца почерк каллиграфический. Ни единой помарки. Запятые на месте – крошечные, но значительные. По значительности уступают лишь точкам. Там, где отец ставит точку, говорить больше не о чем.

* * *

«Всё. Закругляйтесь. Нечего тянуть кота за хвост», – скомандовал отец, заглянув в гостиную, где я, мама и Майка сидели «перед дорожкой» – мама в кресле, сложив ладони на коленях и остарушившись лицом; Майка – на моем клетчатом чемодане; я – на табуретке, бодрящийся и весёлый, в форме, только вчера взятой из ателье. Щелкунчик! Прямо хоть сейчас под ёлку!

Отец зашел в гостиную только за тем, чтобы поставить точку. Не для себя или меня – мы определились с пунктуацией ещё неделю назад, – но для матери с сестрой. Чтобы им стало ясно раз и навсегда: любые просьбы, слёзы, уговоры и «прочее бабство» бес-смыс-лен-ны!

– Толик… Ну как же? Не попрощались толком! Аааах… – ахнула мама, и они переглянулись с Майкой и сразу же обе вскочили и начали суетиться, совать мне в руки какую-то авоську с беляшами и солеными огурцами в двухлитровой банке, и обещать писать каждую неделю. И я нацепил эту авоську на запястье, так что ручки больно врезались в кожу, подхватил чемодан и слетел вниз по лестнице, чтобы не ждать лифта, чтобы не тянуть кота за хвост. Точка.

На батю я не обижался. Непросто было ему пояснять однополчанам и сослуживцам, что его сын просто пьяный идиот. И что он ничего особенного не имел в виду, заявив во всеуслышание, что и без товарища Сталина земля будет вертеться, журчать ручьи, петь птички и так далее. Наверное, отцу было бы легче, не случись это досадное недоразумение в День Победы, когда генерал-майор авиации товарищ В. произнёс самый главный тост.

На батю я не обижался. Ничуть. Он сделал всё что мог, и даже больше.

Отцовская «Победа» ждала меня у подъезда. Я оценил жест.

* * *

Мама пишет каждую неделю. Я знаю, хотя почта сюда не доходит. Мамины рассказы о том, как она навещала в роддоме какую-то Мурочку и что заканчивается дачный сезон, а антоновки нынче уродилось столько, что варенье уже некуда раскладывать, о том, что Майка подхватила простуду, отчего не поехала в лагерь, а также «папа передает привет» оседают в особом отделе Энской части, к которой я приписан. Энкавэдэшник – щекастый пончик-сибиряк, чтоб не испортить полировку стола, подкладывает мамины письма под стакан с чаем. Его девственному мозгу невдомёк, что донышко у стакана влажное. Через неделю, получив свежую почту, он шлепает штамп «просмотрено военной цензурой» поверх поплывших «кружком» чернил и убирает письмо в архивную ячейку. Раз в полмесяца из этой же ячейки он достает стопку листов, исписанных моим каллиграфическим (единственное, что досталось от отца) почерком, берет первый попавшийся лист, перечитывает… «Здравствуй, мама. У меня всё хорошо…»

Похожие одно на другое, как близнецы, – бери любое – не ошибешься, – письма делались по шаблону, предоставленному Пончиком.

– Свежие формуляры! Значит, так. Переписываешь своей рукой, добавляешь имена собственные в выделенных красным местах, и шесть шарей. Родные спокойны. Девушка довольна. Друзья не забывают. Держи! С полсотни до вечера накропаешь – и шесть шарей. Дату я потом сам подставлю, – лейтенант улыбался. Как есть – пончик. Не хватало только сахарной пудры поверх лоснящегося краснощёкого лица. Я поморщился, но «письмовник» взял. Сидел потом

за новым полированным столом, прихлебывая кирпичный, на удивление вкусный чай. «А я без подстаканника пью. Люблю, чтоб пальцам горячо…, – зачем-то пояснил Пончик, кивая на свой стакан. – И не волнуйся, лейтенант. Всё шесть шарей. Никаких сбоев. Если какая срочность… Свадьба там… Похороны… Сразу сообщим». «Да. Конечно», – я немного подумал, приписал в конце «привет папе» и поставил жирную точку.

* * *

О том, что майор Онофриенко прилично закладывает за воротник, мне сообщил Пончик. Мол, всё шесть шарей, но начзаставы – человек со странностями. Начальник особого отдела оказался прямее. После официального инструктажа предложил выйти на крыльцо покурить и там, затягиваясь «Ленд-лизом», сказал:

– Чтоб ты знал, лейтенант. Онофриенко квасит как сапожник. Ему в отставку пора. Выдохнуть надо майору. Он ведь седьмой год на льдине торчит безвылазно. Считай, сразу после Победы о переводе в Энск приказ получил. Здесь и бойцов своих дожидался. Ну, а потом вместе с ними прямиком пошуровал на льдину. На самый крайний – крайнее не бывает – рубеж. Вояка! Мужик отличный. Но пьёт. Сильно пьёт. Бывает, что и допивается до всякого. Рапорты от него, мягко говоря, странные приходят. Давно отозвали бы, только заменить было некем. Однако контингент заставы майор знает досконально, боевую задачу тоже усвоил в деталях. Ты его слушай и, если что, не залупайся. Инструкций тоже не нарушай – они чай не хером писаны. Ясно?

– Так точно, товарищ полковник.

– Точно. Так… – передразнил полковник. – Как же тебя сюда занесло? Как вас вообще в такие места заносит? Чистеньких, хрустящих, прямо от сиськи молочной… Что ж ты напортачил такого в своей белокаменной?

– В личном деле всё есть.

– В твоем личном деле три абзаца. Отличник учебы, спортсмен, комсомолец… Пурга всякая – пять кило повидла. Но ты почему-то тут, а не там. И впереди у тебя, лейтенант, минимум пять, а то и все семь сучьих лет сучьего дрейфа. Нет, не штрафбат, конечно, но далеко не Минводы. Что ж тебя папашка твой не отмазал, а?

– В личном деле всё есть, товарищ полковник.

– Зарядил, как попка, – полковник хмыкнул. Раздавил носком неуставного лохматого унта бычок. – А может, ты засланный казачок? А?

– Не казачок я. Надоело быть «папенькиным сынком», решил сам пройти через все тяготы и лишения… Через горнило, так сказать… Отец мой – боевой офицер. Гвардии полковник. Летчик-истребитель. Герой войны. Так я тоже хочу на деле Родине свою преданность доказать, – отчеканил я, уставившись в пронзительные полковничьи очи.

Полковник пожал плечами: не хочешь – не говори. Повернулся, пошагал к фырчащему неподалеку «виллису». Следы от его неуставных унтов выглядели совершенно звериными, вытянутыми, красивыми. Он влез на шоферское место, и прежде чем хлопнуть дверцей, повторил, перекрикивая мотор: «Не залупайся! Слушай майора во всём».

* * *

С Онофриенко я познакомился через двое суток.

Приземлился на координате нормально, даже не протащило далеко. Кой-как свернув парашют, огляделся. Пилот «аннушки» выбросил груз метрах в ста от меня. Точнее, меня выбросил метрах в ста от груза. Ящик поблескивал стальными боками, похожий на ёлочный серебристый шарик, уложенный в вату. Вокруг нас с ящиком был снег. Ничего, кроме белого-

белого нетронутого снега. За несколько дней в Энске я почти привык и к сухому холоду, и к хлестким студеным вьюгам, и к сугробам – не по-московски огромным. Но здесь, на пятьдесят седьмой параллели, всё было иначе. Лаконичнее, что ли. Невысокие ребра торосов походили на грубые швы, стягивающие снежное полотнище в бескрайнюю простыню. И тишина.

Такая, что стыдно было нарушить её стуком сердца и шорохом дыхания. Я ощутил вдруг то самое «белое безмолвие», которым грезил ещё подростком, валяясь на кровати с куском пирога и томом Джека Лондона. Безмолвие не казалось пугающим или тягостным. Наоборот. Умиротворяющим и полным ожиданий. Вот-вот на горизонте появится собачья упряжка, а за ней и сам Смок Беллью. «Хеллоу, Смок! Хау ду ю ду»!

Горизонт был пуст. Я осторожно втянул в себя колючий воздух, задрал голову к небу. Самолет уходил к материку, превращаясь в крошечное чернильное пятно… в точку.

– Варежку закрой. А то жопа простынет, – сиплое карканье раздалось откуда-то из-за спины. – Егоров?

Я вздрогнул. Обернулся. Завернутый в маскхалат крупный, краснолицый человек лет сорока снял защитные очки и теперь разглядывал меня сквозь прищур. Будто разбирал на запчасти.

– Майор Онофриенко? Старший лейтенант Егоров прибыл в расположение…

– Да ты что? – от майора пахнуло спиртным. – Прибыл? Неужели? Ни хрена ты ещё не прибыл. На лыжах как ходить, знаешь?

– КМС, вообще-то.

– Хоть так. А то парашютист из тебя, как из меня арфистка, – поморщился майор. Вернул на место очки, стянул с руки перчатку, сунул пальцы в рот. Громко свистнул. Метрах в ста пятидесяти от нас из снега поднялись две белые, слегка сгорбившиеся под тяжестью ранцев фигуры. На плече у одной из них покачивались вверх-вниз запасные лыжи. Вторая тянула за собой широкие санки. Онофриенко махнул рукой, и фигуры заскользили по направлению к нам. Я непроизвольно напрягся.

– Расслабь очко, взводный. Это теперь твои бойцы. Нормальные хлопцы. Только хладнокровные очень, к заботе комсостава малочувствительные, – Онофриенко заклокотал рваным неприятным смехом. – Что? Напугали тебя особисты нашим контингентом? Вижу! Вижу, что напугали.

– Далеко до расположения? – решил сменить тему я.

– Пятьдесят пять кэмэ. К ночи доберемся… К ночи – это если по хронометру, понятное дело. А стемнеет уже через полчаса, ёпть! – Онофриенко густо сплюнул. Я проследил за плевком с неожиданным подростковым любопытством, ожидая, что слюна застынет на лету. Зря.

Лыжники приближались. И как я ни старался на них не пялиться, взгляд мой всё равно непроизвольно притягивался к двум неуклюжим силуэтам.

– Да ты не стремайся. Позырь. Пощупай, – Онофриенко фамильярно подтолкнул меня плечом. Я пошатнулся.

И едва не упал, дернувшись в противоположную сторону, когда почувствовал, что меня поддержал первый из бойцов. Тот самый, что с лыжами.

– Спасибо, – машинально выдавил я.

– Слушаюсь, товарищ командир, – голос оказался глухим, каким-то пыльным, что ли. Но это если прислушиваться. Не знай я, кто передо мной, решил бы, что боец несильно застужен, что объяснимо при таких-то морозах.

– Тебе спасибо говорят, Живчий. По-человечески говорят, а не по уставу. Как правильно отвечать? Ну?

– Так точно, товарищ командир, – невыразительно промямлил солдат.

– Спа-си-бо. Спа-си-бо… – громко повторил Онофриенко. И замолчал выжидающе.

– Пожалуйста, – после секундной заминки ответил боец.

– То-то же… Молоток, – голос майора прозвучал неожиданно мягко. И, повернувшись ко мне, майор добавил: – Могут! Могут по-человечески, но нужно терпение.

И тут я решился. Поднял глаза и уставился в лицо своему будущему… собственно, почему будущему? – уже подчиненному. Что я ожидал увидеть, начитавшись брошюр и насмотревшись пособий? Наверное, какое-нибудь жуткое уродство. Что-нибудь отличающее рядового Живчего от обычных людей. Может, шрамы по всему лицу, неестественно бледную кожу, запавшие глазницы, прозрачные белки. Что-нибудь такое, от чего внутри стынет кровь и сердце начинает колотить о рёбра. Ничего подобного. Передо мной было простое славянское лицо. Вон, даже конопушки видны на носу. За стеклами очков – чуть мутный, как у младенца, взгляд небольших серых глаз, рассечённая посередине русая бровь.

– Что? Думал, они жмурики протухшие? И проводка медная наружу торчит? Но вообще всякие есть. Эти – самые сохранные. Специально подобрал, чтоб тебя сразу не пугать… Шучу. Говорю ж – нормальные ребята. Вот этот – рядовой Живчий, – пояснил Онофриенко, проследив за моим взглядом. – Добрый хлопец. Мозговитый… Поздоровайся с командиром по-человечески. Давай.

– Живчий – это тоже шутка такая? – проигнорировав протянутую ладонь, я повернулся к майору.

– Не-а. Фамилия. Чудно, да? Это ещё что! У нас старшина имеется по фамилии Непомирай. Вася Непомирай. Тоже добрый хлопец. Думаешь, это не случайное совпадение? Ну, тогда нам с тобой не светит, Егоррров… – Онофриенко подмигнул. – Ладно. Вставай на лыжи, лейтенант. Рядовой Берзикян! Ложи давай на салазки груз!

Второй боец направился к ящику, а Живчий всё мялся напротив меня с протянутой ладонью. Ни варежки, ни перчатки на ней не было.

– Постоянная температура тела у них плюс десять максимум. Завидую. Не мерзнут, снегом соленым закидываются вместо жратвы, не бздят и не гадят. Не думают тоже… – зачем-то пояснил Онофриенко.

– Да. Читал я. Меня в деталях ознакомили с подробностями конструкции. И что у них внутренностей нет, вместо сердца помпа, под ней нагреватель и оксигенатор, а кровь заменена специальным раствором.

– Читал он, – вдруг разозлился Онофриенко. – Через одно место читал! Тогда бы знал, что их без присмотра не положено оставлять больше чем на половину суток. А уже пятый час, как я заставу на Непомирая бросил. И плюс пять часов – на обратную дорогу. Едва поспеваем. Некогда разговоры разговаривать. Тронулись. Живчий, Берзикян! Бегом марш! Поторопитесь, а то разрядитесь в ноль за сто метров от зарядника, и хана вам, братцы!

Онофриенко с неожиданной для своего грузного тела легкостью развернулся, пошел вперёд, набирая скорость. Берзикян и Живчий впряглись в двойные постромки салазок и тронулись за замполитом. Я же ещё минуты две разбирался с незнакомыми креплениями.

Догнать троицу удалось лишь через четверть часа.

«Брюхатая нерпа и то быстрее к полынье ползет. Кэмээс-кэмээс – выходи на букву эс», – съехидничал Онофриенко, но выглядел довольным.

Почему-то именно в ту секунду я понял, что мы сработаемся.

* * *

В расположение прибыли к полуночи, когда наряды уже сменились. Ночь была ясной, звёздной, и мне удалось осмотреться. Назвать это место заставой мог лишь очень большой шутник. Посредине расчищенной от снега площадки периметром где-то с полкилометра располагался плац, справа от которого торчала дозорная вышка, а слева стоял фанерный барак

без единого оконца. Из выкрашенного известью кунга, примыкающего к задней стенке барака, раздавался тяжелый гул.

– Казарма это. А в кунге зарядник фырчит. Аэросани там же, под навесом, но особо не рассчитывай – топливо экономим, – пояснил Онофриенко, проследив за моим взглядом. – В бочках с красной меткой бензин, с синей— дизель.

Я кивнул – ясно, мол.

– Ладно. Харэ трепаться. Спать пора. Рядовому составу представишься завтра утром. С расположением ознакомишься, разберешься, что к чему. Дуй в КАПШ. Обживайся. Берзикян, Живчий – на подзарядку бееегом марш!

Я побрёл к командирской палатке, оглядываясь через плечо на начзаставы, который сам принялся разгружать сани. Берзикян с Живчим потрусили к казарме. Я глянул на часы – энергоресурса у бойцов оставалось ровно на четверть часа. Мы едва успели.

В КАПШе ревел генератор. Заснуть я так и не смог, поэтому открыл глаза сразу же, едва Онофриенко заорал у меня над ухом.

– Давишь, взводный? Контингент на плацу томится, ожидает с нетерпением батяню свово родного лейтенанта Егорова, а лейтенант Егоров щемает тут во все ноздри, – Онофриенко нависал сверху и полыхал перегаром.

– Который час?

– Шесть утра, ёпть. На гражданке щемать ещё да щемать! Но ты, ёпть, не на гражданке! Вставай, лейтенант! Слышь, я бы сам тебя представил и заправил бойцов службу тащить, но понимаешь…

– Понимаю, – я рывком выбрался из нагретого за ночь спального мешка. Ох ты ёжкин же кот, какая холодрыга! – Понимаю. Спирт оказался несвежим.

– Дерзишь, салага? – взвился Онофриенко. – Так и дерзи снаружи! А я втоплю отсюда и до обеда. В восемь утра – развод. К трем меня разбуди, политинформацию проведу. Среда сегодня. По средам у нас политинформация. И не вздумай снаружи фонариком светить или курить – маскировка.

– Так кто нас тут будет искать?

– Ёпть! Тебе сказано – никаких фонариков! По солнышку ориентируйся, – Онофриенко, не раздеваясь, как есть, в ватных штанах, тулупе и маскхалате упал на раскладушку и захрапел.

– По солнышку… Комик нашёлся, ёпть! Тарапунька заполярная! – разозлился я. За ночь «умывальная» кастрюля промерзла почти до дна. Нужно было либо распалять примус и ждать, пока перетопится лёд, либо крошить наледь ножом и плескать обжигающую жижу на лицо, непременно матерясь вполголоса. Я выбрал второе. – По солнышку, ёпть…

Выйдя на плац, я обнаружил контингент в составе двенадцати бойцов, хотя по регламенту шесть человек должны были сейчас находиться в казарме, сидеть на деревянной лавке, подключившись спинами к разъемам триггерного зарядника.

– Равняйсь! Смирна! Товарищ лейтенант, личный состав заставы на развод построен. По списку двадцать четыре бойца, налицо двенадцать бойцов. На охране границы шесть. В карауле – четыре. В нарядах два. Незаконно отсутствующих нет. Старшина заставы Непомирай, – дылда с плоским рябым лицом и торчащими из-под шапки бледными ушами довольно бойко приложил руку к виску, отдавая приветствие, замер на полсекунды и, развернувшись на пятке, пошагал обратно в строй.

Я стоял и соображал, что мне теперь следует делать. То есть я знал, как оно положено по Уставу, и отлично помнил, что говорилось в секретной инструкции, которую меня заставили вызубрить наизусть в Москве, а потом ещё и энский начальник особого отдела гонял меня по всем пунктам раз сто, не меньше… Но всё равно, я стоял перед вытянувшейся по стойке смирно шеренгой и ни хрена не мог даже слова из себя выжать. Когда я сюда ехал, думал, что знаю про них всё. Знаю, кем они были в войну и почему попали сюда, на эту заставу. Знаю, чем

поступились, выбрав между исключительной мерой наказания и теперешней своей нелегкой службой. Знаю, как устроены и как работают. Знаю, что можно уложить бойца «спать» под один ампер, пока ранец на обслуживании. И про то, что они кто угодно, но никак не люди, тоже знаю. А то, что у них почти не фурычат мозги, так мне с ними не романы писать! В конце концов, это армия, и от хорошего солдата в первую очередь требуется чёткое и беспрекословное выполнение приказа.

«Приказ! Надо же отдать им приказ какой-нибудь!» – очухался я.

– Заставааа, вооольно!

– Что ты орешь? Чего ты орешь, ёпть… Хочешь им боевой дух своим ором поднять? Так это ты зря. У них с боевым духом и так всё в порядке. С остальным похуже, а боевой дух всем на зависть! Вторая смена, вернуться на зарядку! Третья смена – строевая подготовка. Непомирай, друже, погоняй ребяток по плацу, чтоб раствор в венах не застаивался и насос в груди не ржавел.

Запах перегара донёсся откуда-то сзади, но показался мне приятнее аромата цветущих крымских роз. Майор Онофриенко всё-таки выбрался из палатки на плац.

– Ладно… Пошли погреемся, салага. Ознакомлю с деталями.

* * *

Первое, что я точно понял из двухчасового разговора с начзаставы – что, кроме меня, людей тут нет. С бойцами и так всё известно, но и майор Онофриенко тоже не человек, но анатомическая аномалия! Первым делом майор плеснул себе из канистры спирта, одним глотком осушил стакан и приступил к инструктажу. И всё время, пока я знакомился с азами службы, Онофриенко подливал и подливал, прихлёбывал и прихлёбывал.

– Осуждаешь? – перехватив мой неодобрительный взгляд, майор хохотнул. – Покукуй на льдине с моё. Потом осуждай.

– Да не… Не осуждаю. Трудно, наверное, с саботажниками и предателями служить, да они к тому же ещё и не люди.

– Не сметь! Не сметь, лейтенант! Какие они предатели? Они, лейтенант, полностью и целиком вину свою искупили!!! Когда согласие на перевод сюда подмахнули, тогда и искупили. Они теперь, лейтенант, не предатели, а самые что ни на есть Герои Советского Союза. А если услышу ещё раз, что ты их нелюдями зовёшь, сразу без предупреждения буду бить рожу. Бойцы они! Бойцы первого экспериментального климатического погранотряда «Арктический»! Они дети твои, лейтенант! Ты за них головой и сердцем отвечаешь!

– А насколько у них мозговая деятельность приторможена? Ну, в действительности? – перевел разговор в другое, менее опасное русло я.

– Сильно приторможена, лейтенант. Миттельшпиль вряд ли разыграют. Но если термостат до градусов пятнадцати подвертеть, то, может, и разыграют потихонечку. Инструкцией трогать термостат запрещено, но срать я хотел на инструкции! Их в Москве сочиняют, за какавой с булками. А я тут семь лет бирючу, мне иногда и поспать надо. В сортир отлучиться. Поговорить тоже. Да и что случись, на кого я гарнизон оставлю? В общем, чтоб ты знал, пришлось мне старшину Непомирая «подогреть» чутка. Поэтому, если что тебе срочно понадобится, а я в отключке, то к Васе ступай. Добрый Вася солдат, и человек порядочный. Вась… зайди-ка.

Старшина Непомирай откинул прорезиненный полог тамбура и встал у входа, не решаясь войти внутрь. Майор похлопал ладонью по раскладушке рядом с собой.

– Не скромничай, Вася. Присаживайся. Как дела-то вообще? Ребята как? Нормуль? Может, чего надо вам?

– Нет… не надо ничего, – чуть помедлив, ответил старшина. – Нам же совсем ничего не надо, кроме зарядника. Разрешите идти?

– Ступай, Вася. Лейтенанта нового не обижай. Договорились?

– Договорились, – старшина Василий Непомирай, не мигая, смотрел на меня целую минуту, словно хотел запомнить моё лицо раз и навсегда, впечатать его в свои вялые, давно отвыкшие думать мозги, а потом вдруг криво улыбнулся.

Старшина не мог, не должен был улыбаться. Мне про это поясняли спецы в Москве. Ну, что у метеосолдат отсутствуют базовые эмоции, поэтому радость, печаль, удовольствие им недоступны. Однако старшина Непомирай улыбался.

– «Тёплый» Васька-то, поэтому разряжается быстрее остальных. Так я его из расположения никуда не отсылаю, чтоб если что, он сразу раз… и к зарядннику под бочок. И ты Васю тоже никуда из расположения не отсылай. Спирту?

Я подумал и согласился. Когда на неопределенный срок попадаешь на необитаемый остров, где проживают сумасшедший Робин Крузо и две дюжины Пятниц, глупо отказываться от спирта.

Пока мы быстро и много пили, майор Онофриенко дорассказал мне то, что я уже знал, и ещё с полстолька, и с четверть столька, и вагон и маленькую тележку. Кое-какие мои опасения подтвердились, кое-какие надежды рассыпались в прах. Но, по крайней мере, стало понятно, что здесь – уж точно не Минводы. К примеру, о том, что рядом с нашей заставой (километров двадцать, если быть точным, что по местным меркам пустяк) находится американская экспериментальная база, мне сочли возможным сообщить ещё в Москве. Без деталей, сухо, деловито. Мол, американцев не провоцируйте, не лезьте, но будьте бдительны. А вот о том, что на той базе служит тоже не совсем «человеческий» контингент, сообщил мне майор Онофриенко.

– Лет семь назад вылазку делал я к буржуинам. Положено врага в лицо знать! Не поверишь, лейтенант – там одни негры. Здоровущие такие. Прямо бабуины, а не негры. Шлепают прямо по снегу босиком, сами в одних спортивных трусах и майках. Чуешь, к чему клоню?

– Угу… Не мёрзнут они, получается… – захотелось налить себе ещё.

– Не мёрзнут, – согласился Онофриенко и, правильно истолковав мой вздох, загремел канистрой. – Хлопчики наши тоже не мёрзнут. Но ведь ранцы по пятнадцать кэгэ на себе волочат. А эти налегке. Как так?

– Как так? – повторил я.

– Вот я и лежал в сугробе восемь часов – от холода аж яйца сморщились в горошины, но всё-таки разобрался, «как так». Один черножопый майку с себя стянул – мазутом, что ли, запачкался, а между лопаток у него встроена пластина металлическая. Чуешь? Прямо в спину вживлена!

– Не может быть!

– Может, Петя, может. Они из-за этого и передвигаются быстрее, и батарейки надолыне хватает, и, похоже, помозговитее наших будут. Я, Петя, сразу бросился за портативку, чтоб шифровку бить в штаб, а мне в ответ, мол, не ваша компетенция. Не моя, так не моя. Но раз мы теперь с тобой в одном КАПШе храпим и бздим, то знать ты про этих негров кой-что должен. Ведь наша с тобой общая задача какая?

– Охранять государственную границу.

– Точно так! Ну! За спокойствие границ? За Родину! За Сталина. И дуй уже на развод, без пяти восемь… Харю вазелином только сдобри, а то обморозишься, – Онофриенко ловко разлил.

Я ловко выпил и ловко кинул в рот безвкусную галету.

Эх. Видел бы меня сейчас отец… Но орденоносным лётчикам-истребителям здесь делать нечего. Они летают в совершенно другом небе.

* * *

Солдат спит – служба идёт.

Дрых в основном Онофриенко – видать, отсыпался за все семь лет. Пил и спал. Я же тащил службу. День, другой, третий. Месяц, ещё один. По звонку будильника встать, умыться, позавтракать всухомятку. Намазаться вазелином, накинуть маскхалат поверх бушлата, и через тамбур наружу. Иногда на небе высокие колючие звезды, чаще тьма – хоть глаз выколи, но пользоваться фонариком нельзя. Даже курить запрещено, чтобы не нарушать маскировку. Глупость, конечно. Во-первых, от нас шума на километр во все стороны. А во-вторых, «соседи» давно уже всё вычислили и выследили – оптика у них точно получше нашей. Но приказ есть приказ, поэтому приходится ориентироваться на слух. По одну сторону от плаца подвывает «маленький» генератор нашего с Онофриенко КАПШа. По другую – басит Сталин Иосиф Виссарионович.

* * *

Сталиным триггерный зарядник («Изделие СР-12 дробь 6», инвентарный номер такой-то) назвал Онофриенко. Давно назвал, ещё до меня. А открылся, ясное дело, по пьяни и лишь тогда, когда я по той же пьяни разболтал, за какие такие заслуги очутился на льдине. Тогда майор крякнул, опрокинул в себя рюмку спирта и сказал: «Ну ты даёшь, салага! Легко отделался вообще-то! За такие слова тебя расстрелять надо было! Тьфу!»

Я тогда напрягся, решил, что Онофриенко теперь станет меня избегать или ненавидеть, но он только рукой махнул, насадил на кончик ножа смерзшийся ком свиной тушенки, зашвырнул его в рот и проглотил, не прожевывая. А потом меня великодушно простил.

– Молодо-зелено, ёпть! Пороли тебя мало в детстве, леденцами кормили, вот и несёшь херню! Тьфу. Ты зарядник наш триггерный знаешь? Ну, генератор, от которого мужики ранцы свои заправляют?

– Угу, – промычал я, пережидая, пока смесь тушеной свинины, жира и льда растает во рту.

– Сталиным я его зову! Иногда по фамилии, а иногда и по имени-отчеству, – Онофриенко замер, ожидая вопроса «почему Сталин».

Но мне как-то сразу всё стало понятно. «Вместо сердца пламенный мотор»! Это ведь про них – про хлопцев наших. В ранцах литиевые аккумуляторы, в грудной клетке – моторчик, в жилах – какая-то мутная густая херня! Шесть часов в сутки рядовой боец самой крайней в стране погранзаставы, расположенной на дрейфующей льдине в Северном Ледовитом океане, заряжается энергией от Сталина. Оставшиеся восемнадцать часов исправно несёт службу! И пока Сталин жив – живы и бойцы – границы под охраной – враг не пройдет. Ну, и вроде как «и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ». Правда, с «руками-крыльями» выходило не так чтобы достоверно и по песне, и я немедленно озвучил это Онофриенко.

– А здорово бы было! Представляете, Константин Саныч? Летающие климатические войска. Парят над Арктикой, как белоснежные беркуты. Бдят. С такими пограничниками ни один нарушитель к нам не пройдет.

Онофриенко неожиданно поперхнулся спиртом, закашлялся. И пропустив мою реплику мимо ушей, заорал, перекрикивая дизель:

– Ты, салага, не понял вообще. Я о другом! Сам товарищ Сталин! Лично… этот эксперимент запустил. Путёвку в жизнь нам дал! Прилететь сюда собирался на вертолете с материка! И ведь прилетит!

Мне стало ясно, что Онофриенко в зюзю и бредит, а я присутствую при рождении очередного мифа про великого Вождя.

Я вознамерился было выразить сомнение личной заинтересованностью генералиссимуса в нашем удаленном гарнизоне, но выражать было уже некому. Онофриенко упал лицом на стол и захрапел. Эх, майор-майор. Будь оно хоть на четверть так, как ты себе навыдумывал, тут бы от проверяющих отбою не было. И вместо двух офицеров, из которых один алкаш, а другой чуть ли не враг народа, назначили бы настоящих ответственных командиров. И медика бы прислали, и технаря. Ну и с харчем, топливом и прочей матчастью подсуетились бы, а то шлют паёк в полгода раз – и то после того как портативка от содержания Майоровых шифровок начинает стыдливо краснеть.

В общем, версия Онофриенко не выдерживала критики, а вот то, что зарядник он назначил гарнизонным Сталиным, мне понравилось. В точку попал майор! В самое яблочко!

* * *

Теперь же Сталин нагнулся, и всем нам кабздец.

Я сидел напротив Онофриенко и ждал, когда же он перестанет наконец скрипеть зубами о стакан и посмотрит мне прямо в глаза. Но майор раскачивался на табурете и не желал ни глядеть на меня, ни меня слушать.

– Товарищ майор…

– Товарищмайор, товарищмайор, ёпть? Что ты пялишься на меня, как доярка на Николая Угодника? – взорвался Онофриенко. – Я олелукое, что ли? Что я могу? У нас уже потери, а к вечеру шесть бойцов откинут ласты. Какая сейчас в наряде смена?

– Первая, – подсказал я, покосившись на часы. Группа должна была вернуться с обхода через час и сразу встать в казарму на подзарядку, но поскольку питаться ребятам неоткуда, то их можно списывать в расход. И вторую смену можно списывать через шесть часов. И ещё через шесть – третью. А завтра к вечеру останемся на заставе я да Онофриенко. Шерочка с машерочкой. Правда, это тоже ненадолго. За утрату экспериментального климатического отряда нам с Константинсанычем санаторий в Минводах уж точно не светит.

– Ёпть! Петька! Надо хотя бы отомстить за Гурика! Пока ещё время есть, пока ребятушки наши не поумирали все, пойдем да и раздолбаем нахрен американцев. Застааава, в ружьё! – Онофриенко вскочил, бросился было к выходу, но я поставил ему подножку, и он растянулся возле входа, ткнувшись носом в порожек. – Ёпть! Ты что? Что творишь?

– Товарищ майор, я вам уже который раз толкую – это никакие не негры! Это кто-то наш. С заставы. Утром снег свежий выпал, а следов на нём нет. И, простите, пожалуйста, в летающих американских солдат я не верю.

Онофриенко молча поднялся и ощупал лицо.

– Ладно. Продолжай, Егоров.

– Товарищ майор, Константин Саныч! Это наши! Чтобы так всё продумать, мозги нужны. А мозги здесь есть только у вас, у меня… и чуток у Непомирая. А то и не чуток. К тому же, – я сделал глубокий вдох и сознался. – Я вчера старшине до двадцати пяти Цельсия термостат подкрутил. Он сам мне это и присоветовал, мол, чтобы побыстрее соображать и половчее двигаться. А я что? Я подумал – хорошая мысль. И подкрутил. Тулуп ему ещё ваш запасной отдал, чтоб не замёрз.

– Ёпть!

– А что делать было? А? Я неделю глаз не сомкнул! Вас из КАПШа не вытащить, а бойцов без присмотра оставлять побоялся… Кто ж мог предположить, что Непомирай – предатель! Хороший же боец!

– Да уж… – многозначительно звякнула канистра. – Хороший. А ты его личное дело хотя б читал, салага? Что написано там, видел?

– Что, что. Как у всех… Самострел. Трибунал. И подписка о согласии на эксперимент.

– А то, что Непомирай наш – авиаконструктор в прошлом? Что его ещё до войны на карандаш взяли? А что… А, ладно, – Онофриенко начал медленно и слишком спокойно, чтобы это выглядело воодушевляющим, переодеваться. Сперва сменил кальсоны, потом разыскал в чемодане чистую гимнастёрку, разгладил ладонью воротник. – В общем, Петька, я ведь не просто так Непомирая «подогрел», а чтобы он из расположения ни-ни. Видел я его там… У негров. Когда в сугробе яйца морозил, тогда и видел. Он возле их генераторной прятался. Я и подумал ведь сперва, что это измена. Но потом, когда из барака сержант американский пулей вылетел и в небе закувыркался, решил… В общем, пью я сильно, Петька. Вот и решил, что прижучило меня и что чудится всякое. Поэтому и не доложил про Васю Непомирая куда следует. Но на всякий случай «подогрел» маленько старшину. Подогретый, он от Сталина далеко не уйдёт. А видишь как обернулось… Уйти не ушел, но всем нам подкузьмил – скотина. Терпеливый, гад. Хитрый. Момента, выходит, подходящего ждал. Ждал, что комсостав потеряет бдительность. Ишь…

Я загрустил, закурил и подумал, что, может быть, именно в этот момент особист-Пончик достает из моей ячейки исписанный лист. «Милая мама, у меня всё хорошо. Вчера был в отгуле и ходил в кинотеатр. Познакомился с замечательной девушкой. Её зовут Зоя». Интересно, нельзя ли договориться с Пончиком, чтобы он продолжал слать маме мои письма, даже если меня… Дальше, чем переписка, думать отчего-то не хотелось.

– Надо пойти контингенту разъяснить чрезвычайную ситуацию, – майор залез в тумбочку и достал оттуда фуражку с высокой тульей. – Ребята имеют право всё знать. Пусть подготовятся как положено. И ты тоже, лейтенант… как-нибудь понаряднее оденься. Всё-таки командир!

* * *

Бойцы стояли по стойке смирно, красивые и одинаковые, как на параде. Поверх самой обычной летней (им достаточно) полевой формы надеты были белые маскхалаты, и ветер трепал бязевые полы, норовя забраться внутрь, поближе к человеческому теплу. А какое там тепло? Плюс десять по Цельсию, а скоро будет и того меньше. Капюшоны маскхалатов опускались на лбы бойцов низко-низко, по самые брови. Поблескивали загадочно и немного жутковато защитные очки.

«Слизистая у них сохнет, – пояснил мне как-то Онофриенко. – А они не понимают же. Бошки не фурычат. В инструкции их написано, что капать в глаза следует в шесть и в двенадцать, так они и капают в шесть… и в двенадцать. Не понимают, что можно просто так, если слизистая сохнет. Я говорил, орал на них, матерился, просил, приказывал. Нет! Мог бы и сам, но я им не мать, не доктор и не ППЖ. Ну хоть очки всем добыл».

– Солдаты! Товарищи… Хлопцы, – голос майора дрожал. – Тут такое дело. Сталин… Зарядник ваш – того! Скопытился! В общем, жить вам осталось чуть. Поэтому вы оправляйтесь, прощайтесь друг с дружкой, ну там, может, помолиться кто хочет, так пожалуйста. Молитесь. Тьфу!!! С кем разговариваю-то?

Онофриенко выругался, но я видел, что ему невыносимо тяжело и что он едва сдерживается, чтобы не заплакать.

– Сталин нам больше не нужен!

– Чтоооо? – взревели мы с майором одновременно и обернулись туда, откуда донесся чуть хрипловатый басок старшины Непомирая.

– Не нужен Сталин. Можно без него функционировать. Солдат климатического отряда Советской Армии способен теперь заряжаться откуда угодно, хоть от маленького генератора, хоть от бытовой розетки. Вот… Товарищ майор! Товарищ лейтенант! Глядите.

Старшина Непомирай шагнул в сторону, и на его месте появился рядовой Гурген Берзикян. Тот самый, которого мы уже похоронили. Выглядел Берзикян всё ещё медленным, но удивлённым и даже напуганным, что само по себе было странно. Над тощими плечами Берзикяна торчала конструкция, на первый взгляд напоминающая крылья, на второй взгляд – их же.

– Что это ещё за хрень? – Онофриенко заломил фуражку на затылок. – Что с Гуриком… Почему без ранца? И что за палки из него торчат?

– Гурик!!! Повернись, пожалуйста, будь добр, – ласково подтолкнул рядового в бок Непомирай. И, обращаясь к майору, сообщил, как что-то всем понятное и само собой разумеющееся: —Аккумуляторы вживляются прямо в спину бойца, и тогда кровезаместительный раствор автоматически выравнивает характеристики элементов банок аккумулятора… К сожалению, пришлось вывести из строя триггерный зарядник, чтобы позаимствовать кое-какие запчасти и, простите, вынудить вас меня услышать.

Меж тем рядовой Берзикян, всё с той же немного напуганной и извиняющейся улыбкой на лошадином лице, отошел к краю плаца, разбежался, развёл в стороны тощие длинные руки. И вдруг взлетел. Получалось у него плохо – неумело и неаккуратно. Берзикян то подпрыгивал на высоту дозорной вышки, то нырял вниз, к самой земле, то начинал болтаться из стороны в сторону, но все-таки это был полёт.

– Образец крыла пришлось выкрасть у соседей и перепроектировать с учетом имеющихся на заставе ресурсов… К сожалению, на это ушло почти семь лет, – старшина развёл руками. – Слишком трудно было думать. Очень трудно… Вопросы ещё есть, товарищ майор?

– Василий, эээ…

– Василий Геннадиевич, – старшина Непомирай поклонился нам с майором так, как кланяются в художественных фильмах профессора и врачи, и я немедленно представил его в пенсне и с бородкой-клинышком.

– То есть… – Онофриенко мялся, и видно было, что его мучает какой-то очень неуютный стыдный вопрос. Майор что-то мямлил, но в конце концов не выдержал и выпалил: – Василий Геннадиевич! Негры, выходит, в самом деле летают? Выходит, не белочка?

– Никак нет, товарищ майор. Не белочка. Летают! Ещё как летают уже лет десять или двенадцать.

И наши тоже будут летать! И Живчий, и Берзикян! Правда, мне потребуются сутки и ваша помощь, чтобы перевести весь контингент заставы с ранцев на встроенные аккумуляторы. И около месяца, чтобы поставить заставу на крыло. Разрешите приступить?

– Охренеть, ёпть! – Майор зачерпнул горсть снега и швырнул его себе в лицо. – Сталина… Сталина ты зря.

Потом развернулся и поспешил в КАПШ, кажется, я знаю зачем.

– Приступайте, старшина! – скомандовал я. И зачем-то ещё заорал на весь плац: – Воооольно!

– Ёпть, ёпть, ёпть… И как мне на материк ситуацию доложить? Вот ты салага, но не совсем же дурак, Петька? Ты же видишь, что нам с тобой кабздец? Что? Что мне говорить? Что зарядник вышел из строя, ремонту не подлежит, но зато у меня теперь рядовые порхают над заставой, как птички? Ты, Петька, думаешь, за такие новости нам путёвку в Крым выдадут? Спирту будешь?

– Не думаю, – честно ответил я. – И не буду. Константин Саныч… Не надо ничего докладывать. По крайней мере сегодня. Утро, знаете ли, вечера мудренее. Вы спать ложитесь, а я пойду группу в наряд заправлю и Непомираю подсоблю. Ну, раз уж Сталина у нас больше нет.

Майор Онофриенко отвернулся лицом к стенке и замолчал. А на следующее утро с материка пришла срочная радиограмма.

Сталин умер.

«Добрый день или вечер, мама. У меня всё хорошо».

Игедо
Светлая фигура Алексей Провоторов

И ножны, и чехол ручницы ему опечатали тёмным сургучом, как того требовала традиция, ибо сперва он должен был вразумлять словом. Бастиан не снимал печатей с начала осени, все те шесть недель, пока рыскал по окрестностям. За это время ему пришлось всерьёз проверить только Бигейль, травницу. Она одна во всей огромной и полупустой округе творила колдовство достаточно сильное. Он ограничился тем, что устроил ей выволочку. Впрочем, потом они разговорились и разошлись мирно, когда истекал пламенем один из последних закатов октября.

Остальные затаились. Пару раз Мосол порывался было скакать сюда, в сторону долины Игедо, но быстро успокаивался. Всё было тихо с последней, сухой августовской грозы. До нынешней поры.

Капитан королевских изыскателей, стрегоньер Бастиан да Кила, остановил коня перед спуском и смотрел вдаль. Долина Игедо лежала перед ним, сизая, соломенно-золотистая, охристая, и от этого сочетания цветов делалось неспокойно. Низкое рваное небо обещало дождь.

Ветер дул с вершины холма в спину, шумел в ушах, натягивал капюшон Бастиану на голову: надень, мол. Но это был, возможно, последний тёплый ветер в году, и капитан не хотел укрываться от него. Он искал того, кто позвал Красную Птицу, и вполне мог наткнуться на неё саму. Потому глупо было бы отказывать себе в нынешних простых радостях, если он рисковал не дожить до завтрашних.

Ворожеи, стреги, даже тот бешеный колдун с мёртвой костяной рукой, что едва не лишил его языка, – Бастиану до сих пор трудно было разговаривать, – это одно. А Красная Птица – совсем другое. Её природа лежала вне естествознания, даже вне магии, по крайней мере, привычной. Поэтому оставалось вопросом, что чувствовал Мосол, безумный конь, там, впереди, куда вело его тёмное слепое чутьё: колдовство стреги или присутствие Красной.

Эта мысль беспокоила Бастиана посильнее, чем близкий дождь. Он взглянул на свою тень, косую и блеклую – тень высокого, худого человека в плаще, с откинутой на спину широкополой шляпой.

Да, он сразу отправил почтового голубя, и спустя два-три дня по его следам прибудет особый отряд. И затянутый в кожу, с белоснежной крахмальной повязкой на лице, Сигид Тьена примется за свою прямую работу – найти, убить, сжечь Красную Птицу. Если до тех пор вслед за нею со Второй Луны не упадут её брони и свирели в глазированном керамическом яйце, то Сигид справится точно. Если упадут… Вероятно. В конце концов, биться с Птицей – его работа, дело Бастиана – разобраться с колдуном или ведьмой, стем, кто тварей вызывает.

Конечно, хорошо бы в каждом округе держать не только стрегоньера, но и охотника на Птиц, только вот Сигид, Чёрный Офицер, один такой.

Из всех, кого ведьма могла призвать из леса, из болот, из могил или недр, никого не было хуже Красной Птицы. Хотя бы потому, что она являлась извне – падала со Второй Луны. Такое случалось во времена крупных пожаров. Они притягивали Птиц, покрытых алыми перьями, Птиц, имеющих явное сродство с пламенем: каждая из них, достигнув зрелого возраста, могла управлять огнём. В старину от падения Птицы до той поры, когда она набирала размер, возможность дышать полной грудью и играть на своих свирелях, проходили недели. В прошлый же раз команда Тьены повстречалась с Птицей на четвёртый день, а к вечеру, когда Птица была уже мертва, с неба звездой рухнуло яйцо с Птичьей утварью. Опоздай Сигид с поисками хоть на день, и ему пришлось бы сражаться уже с вооружённой, закованной в керамический панцирь нелюдью. Такая схватка стоила жизни Янкрайту, предшественнику Сигида, такой же сухой и ветреной осенью пять лет тому. Птицу тогда убили солдаты, простые парни из регулярной

армии, просто взяли числом. Оставшихся в живых после поразил мор – проливать коричневую кровь Птицы под открытым небом было опасно.

Они падали в разных местах, но всегда там, где творились огонь и магия. И всегда спустя какое-то время вслед за окрепшей Птицей Короли Второй Луны присылали ей белую броню из металла и керамики. И тонкие, почти прозрачные фарфоровые свирели с блестящими, как зеркало, металлическими кольцами, что служили Птице оружием. Говорили, каждая Птица вырастала особой, и панцирь с оружием подходил только ей одной. Потому их никогда не отправляли вместе – Короли смотрели на растущую Птицу сквозь огромные трубы с линзами и, глядя, как именно она растёт, на что делается похожа, велели ковать особый, штучный доспех.

Ведьмы же призывали этих странных, с каждым разом всё менее звероподобных и всё более разумных существ не только из злой прихоти. Нет. Многие мечтали добыть части тела Птицы для своих ритуалов, завладеть их свирелями или поработить их, заставив служить себе. До сих пор никому такое не удавалось. Но желающие находились всегда.

Вот поэтому Бастиан предпочёл бы ещё раз встретить Глиняного Едока или огромного, мохнатого Альфина с длинным жгучим языком, как тогда, на болотах Пье-Кайпы, в душной зелёной тени кайпарских гниющих лесов. Прикажи стреге, или убей стрегу, и призванные ею существа, обретя свободу, скорее всего уйдут сами. А вот с Красной Птицей такое не пройдёт – каждая из них повинуется только своим Королям. Если бы Бастиан ведал настоящее имя Птицы, он мог бы попытаться подчинить её себе, но в Столистове не было упомянуто ни одного такого. О Птицах, их Королях и Второй Луне было вообще известно мало, так – выцветшие строки в древних книгах да кое-какие сведения, добытые за ту пору, с которой Птицы научились владеть людской речью. Уже лет двадцать как.

Он легонько свистнул, и Мосол начал спуск – туда, вперёд, где после падения Красной Птицы ещё горели леса. Ко Ржи и Ледо Ютре по кличке Лайка, одинокой ведьме с травой в волосах.

Дорога, уходившая к далёким пока сёлам, почти не вилась; так, петляла немного.

Слева, внизу, виднелась прогалина – одичалый сад согбенных яблонь с перекрученными, тёмными замшелыми стволами, редкой, пронзительно яркой листвой, с глянцевитыми отблесками редких и мелких яблок. Останки изгороди намекали на то, что здесь когда-то жили люди; а больше ничего не намекало, даже слегка.

Бастиан спустился с холма, накормил Мосла яблоками. Хоть яблони уродили что-то в этой пустой земле, обескровленной, наверное, ещё древним железным городом, что стоял тут и в те времена, когда Короли Второй Луны попытались впервые ступить на земную твердь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.